

Автономная некоммерческая организация
дополнительного профессионального образования
«Красноярский институт развития
духовно-нравственной культуры»

НАШ КАЛЕНДАРЬ

Конструктор Календаря образовательных событий

**Информационно-методические материалы для проведения в
образовательных учреждениях образовательных событий,
посвященных ДНЮ СИБИРИ**

8 ноября

1581/82 г.

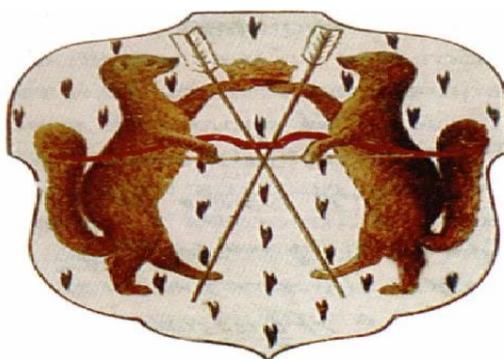
1881г.

День Сибири - в честь 300-летия присоединения к Российской империи

1581/82 г.

2021 г.

440 лет присоединения Сибири в России

Авторы-составители:

Бордукова Светлана Николаевна,

Пригодич Елена Григорьевна

Красноярск 2020/21

**Социальный проект в рамках государственной грантовой программы
Красноярского края «Партнерство» в номинации «Гражданское общество»
(ноябрь 2020 – май 2021гг.)**

День Сибири- всенародный праздник!

СОДЕРЖАНИЕ

1. Об истории праздника 8 ноября – День Сибирис. 3
 2. История празднования праздника «День Сибири» («День благодарения Сибири») с. 6
 3. Информационные материалы для подготовки лектория Русские в Сибири (история, культура, духовная жизнь).....с. 9
- I. Введение. Русские как этнос: какие?
 - II. Этимология. О значении термина «Сибирь»
 - III. Покорение Сибири. Организация жизни русских в Сибири
 - IV. Русские в Сибири: кто вы? Данные переписей Очаги расселения Затундренные русские Чалдоны. Ангарцы. Старообрядцы Приходское духовенство Сибирские казаки Крестьяне Посадские-разночинцы
 - V. Обобщение. Этапы жизни русских в Сибири на примере Енисейской губернии и Красноярского края
 - VI. Старожильческое русское население в Красноярском крае сегодня
 - VII. Сибирский характер

1. Об истории праздника 8 ноября – День Сибири

Праздник День Сибири был официально утвержден в 1881 году и приурочен к дате 26 октября (8 ноября по новому стилю), когда в 1581 (по другим источникам, в 1582) году казаки под предводительством атамана Ермака, разгромив войска хана Кучума, вступили в столицу Сибирского ханства Искер. Именно с этого времени, по мнению многих историков, начинается процесс превращения Руси в Россию.

«В День Святого Дмитрия Солунского «26 октября» 1582 г. Ермак, отпев молебен, торжественно вступил в Искер или город Сибирь» - писал Н.М. Карамзин о начале истории сибирского края в составе России. Вот строки из Краткой Сибирской (Кунгурской) летописи: «Утром же вставши, помолились Богу и восславили явившегося им, чтобы защитит их в городе, великомученика Дмитрия Солунского, и пошли без страха в город в 1582 году, в 26 день октября» [1]. Историческая достоверность этой даты вызывает сомнения, поскольку летописцы конца XVI - начала XVII века во многом ориентировались на рассказы еще живых казаков, и даты оставались весьма приблизительными.

Император Александр III учредил государственный праздник - День Сибири - в честь 300-летия ее присоединения к Российской империи. Государь обратился к сибирякам с посланием, в котором подчеркнул огромное значение, которое Сибирь имеет для России. «Надеюсь, - писал тогда государь, - что со временем, с Божьей милостью и помощью, обширный и богатый Сибирский край, составляющий уже три столетия нераздельную часть России, будет в состоянии нераздельно же с нею воспользоваться одинаковыми правительственными учреждениями, благами просвещения и усилением промышленной деятельности на общую пользу во славу дорогого нашего Отечества» [1].

За те 440 лет, что прошли с похода Ермака за Урал, изменения в Сибири происходили медленно и мучительно, ведь изначально по бескрайним просторам было раскидано лишь немногочисленное коренное население, а русских за Уралом практически не было. Но российская длань неторопливо и осторожно накрывала Сибирь: от Урала до современного Красноярска протянулась цепь острогов, городов-крепостей. Эти колышки, вбитые в огромное тело сибирского края, служили единственной опорой и защитой немногочисленным крестьянам-поселенцам, которые перебирались в новую страну из европейской части России.

Жизнь в Сибири была опасна, нередко были конфликты с коренными народами, недовольными произволом московских воевод, утратой своих охотничьих и земельных угодий, действиями русских поселенцев. Естественно, ответ со стороны сибирских воевод чаще всего следовал жесткий, что тоже не добавляло приязни во взаимоотношения коренных и пришлых. Хотя, надо отметить, воеводам напрямую предписывалось обходиться с коренным населением, перешедшим под руку Москвы, «ласково, а не неволей и жесточью» [3]. Хватало и лихого разбойного люда, поскольку с конца XVII века на каторжные работы в Сибирь стали ссылать уголовных и политических преступников. С каторги бежали поодиночке и группами. Многие ссыльные каторжные, честно отбыв срок, также находили в Сибири новую родину. Словом, в таких условиях и при таком отношении российских властей Сибирь в конце XIX века во многом оставалась мрачным, диким, неизведанным и малолюдным краем.

Понимал это и Александр III. Именно поэтому он не только не препятствовал учреждению Дня Сибири, но и всячески поддерживал эту инициативу. Учреждение Дня Сибири стало сигналом о том, что в правительстве России помнят о сибирском крае, понимают его огромное значение для империи и будут способствовать развитию его и приобщению к

благам цивилизации. Неудивительно, что известие об учреждении праздника вызвало самую горячую радость сибиряков.

Особенно широко и торжественно юбилей отмечали сами сибиряки: в Томске и Тобольске, Тюмени и Красноярске, Минусинске и Енисейске, Хабаровске и Благовещенске. В столичных городах Москве и Петербурге в это время все студенты, приезжие купцы, выехавшие из Сибири чиновники «Роднились» в составе сибирских и сибирско-губернских «землячествах». Все «землячества» отмечали праздник совместными общественными обедами. В приглашениях особенно отмечалось, что, в связи с приближающимся днем «300-летия завоевания Сибири», 26 октября в день взятия Искера приглашаются принять участие в обеде «сибиряки, сибирячки и лица, посвятившие свои труды Сибири».

Вскоре после праздничных торжеств была издана книга «300-летие Сибири; Празднование в Петербурге и Москве дня 26 октября 1582 г.», в которой были собраны мнения о вопросе празднования «Дня Сибири», представлены тексты телеграмм и описан обед в Петербурге и тексты речей (Приложение 1).

2. История празднования праздника «День Сибири» («День благодарения Сибири»)

На волне всеобщего энтузиазма и патриотического порыва началось ежегодное всеобщее празднование Дня Сибири. Традициями новый праздник оброс достаточно быстро. Прежде всего, повсеместно было принято вспоминать отцов-основателей: в сибирских городах и поселках служились торжественные молебны в честь Ермака, а также других воевод и атаманов, которые стали строителями сибирских острогов, а население выходило на крестные ходы, отдавая таким образом дань памяти покорителям Сибири.

Отмечен этот праздник в «Сибирском народном календаре в этнографическом отношении», вышедшем в 1913 г. Ее автор А.А. Макаренко, находившийся в данный период в ссылке на Ангаре, без тени сомнения отнес День Сибири 26 октября, наряду с Днем Иннокентия Иркутского, к двум «Выдающимся сибирским праздникам». В перечне праздничных дней календаря, среди наиболее значимых православных народных праздников они стоят на первом месте.

В православных приходах сибирского края в этот день совершались праздничные молебны в храмах, вспоминались имена Ермака и его сподвижников, имена первооснователей сибирских острогов. Постепенно в процессы обращения к истокам были вовлечены мещане, казаки, крестьяне.

В крестьянской среде после завершения сельскохозяйственных работ день Сибири довольно скоро стал совмещаться с «гулянками» по итогам земледельческого года. День Сибири олицетворял собой праздник благодарения краю за все «излишества и удобства», за сытую благодатную жизнь. С этих праздничных отметин итогов хозяйственной деятельности начиналась череда ярмарок в крупных старожильческих селах. Надо отметить, что дата 26 октября (8 ноября), на которую приходилось празднование Дня Сибири, была очень удачной. Осенняя страда завершена,

урожай собран, а значит, можно подсчитывать дары щедрой сибирской природы. Гуляли весело и с задором. Почти как Масленица, только осенью.

В крупных городах, прежде всего в губернских центрах, зарождается традиция губернских приемов и балов, банкетов для именитых людей города и губернии. Рассылались памятные приветственные адреса. Особенно приветствовались общественно значимые деяния купцов – благотворителей и меценатов. В этот день торжественно вносились крупные суммы пожертвований приютам, больницам, благотельствовали нищим. Значимо и то, что, более всего этот Праздник был принят местной интеллигенцией. Проводились собрания, культурные мероприятия, заседания научных и просветительских организаций, на которых обсуждали достижения и нужды Сибирского края. В театрах и образовательных учреждениях к празднику были приурочены спектакли, концерты, выходили в свет специальные выпуски печатных изданий.

Традиция отмечать День Сибири сохранилась в течении многих десятилетий вплоть до конца 1920-х гг. В последний раз День Сибири отметили в 1918 году, да и то неофициально. Эхо революции уже докатилось до сибирского края, разгоралась Гражданская война...

Была и другая причина забвения и даже прямого запрета празднования Дня Сибири. И в первую очередь, из-за даты: начиная с 1918 года большевики в течение двух дней 7 и 8 ноября торжественно отмечали годовщину Великой Октябрьской социалистической революции. Это был главный идеологический праздник Советской России, у него не должно было быть никаких конкурентов. Так День Сибири был упразднен.

Однако в 2000-х годах традиция его проведения сама собой возрождается в целом ряде сибирских городов: Тюмень, Новосибирск, Омск, Барнаул... Из года в год проходят культурные фестивали и собрания, посвященные празднику. Люди постепенно вспоминают полузабытые традиции.

Начиная со второго десятилетия XXI века вновь и вновь поднимается вопрос о придании Дню Сибири статуса если не общегосударственного праздника, то по крайней мере - памятной даты в государственном календаре. Именно Сибирь является тем самым узлом, что скрепляет воедино европейскую часть страны и Дальний Восток. Здесь сосредоточены неизмеримые богатства, которые и в будущем только увеличат мощь нашего государства.

Источники

1. Андюсев Б.Е. Возрождение общесибирского регионального праздника «День Сибири» («День благодарения Сибири») <http://andjusev.narod.ru/ideya1.htm>.
2. Андюсев Б.Е. Сибирское краеведение. Хозяйство, быт, традиции, культура старожилов Енисейской губернии XIX – начала XX вв.: Учебное пособие для учащихся и студентов. Изд. 2-е испр. и дополн. – Красноярск: РИО КГПУ, 2003. - 336 с. <https://textarchive.ru/c-1688818-pall.html>.
3. Сайт «Культурное наследие Сибири» <http://sibnasledie omsu.ru/page.php?id=3>

3. Информационные материалы для лектория «Русские в Сибири»

Лекторий – это форма просветительской работы, которую можно организовать как для учеников, так и для педагогов, родителей и других категорий населения. Ценность лектория состоит в живом общении лекторов и слушателей. Лекторий могут подготовить на базе школьной библиотеки, школьного музея, краеведческого клуба или курса по выбору.

Рекомендуем использовать для подготовки лектория информационные материалы и презентацию «Русские в Сибири».

План лектория

Русские в Сибири (история, культура, духовная жизнь)

1. Введение. Русские как этнос: какие?
2. Этимология. О значении термина «Сибирь»
3. Покорение Сибири. Организация жизни русских в Сибири
4. Русские в Сибири: кто вы? Данные переписей Очаги расселения Затундренные русские Чалдоны. Ангарцы. Старообрядцы Приходское духовенство Сибирские казаки Крестьяне Посадские-разночинцы
5. Обобщение. Этапы жизни русских в Сибири на примере Енисейской губернии и Красноярского края
6. Старожильческое русское население в Красноярском крае сегодня
7. Сибирский характер

9

1. Введение. Русские как этнос: какие?

На карте мира наша страна существует под разными названиями от древнерусского государство с центром в Киеве (9-н.15 вв.), к Московскому царству (15-16 вв.), затем после Смуты нач. 17 в. - Российская империя, после 1917-1922 гг. - Советский Союз, после распада СССР в 1991 г. - Российская Федерация. Проживающий в нашей стране народ с полным основанием считается многоэтничной российской гражданской нацией. Во второй половине XV в. – XVII веках складывается постоянное русское население, четко разделяющее себя от иноязычного населения через представления: мы/они, свое/чужое; освоенное/неосвоенное пространство (*земли*) как территории, принадлежащие своему Русскому государству. Политический (государственный) компонент в народном сознании выражался в

преданности родине, отечеству, престолу и вере. Коренным понятием русского самосознания с самого начала его становления стало слово «свой»: «Родина», «земля предков» – «своя», «здоровье», «счастье», «жизнь», «смерть», «древо» и др. Слово «свое» включало и веру, и родину, и единокровных людей, и свободу жизни по законам отцов. Выше отмечалось, что уже в раннем средневековье появился этноним *русские*. Название «Россия» – заимствованное, западного происхождения, не сразу прижившееся. Понятие «русский» означало этничность, «российское» – зависимость от государственно-территориального статуса, а также включение в себя и нерусских россиян.

При освоении русскими крестьянами новых земель они полагали, что Россия везде, где поселяются русские. Понятия «русский» и «православный» стали тождественными. Даже свою национальную принадлежность, которая сложилась в конце XIX – начале XX в., русские, стали определять не понятием «кто я», а «какой я», т.е. наметилось предпочтение не биологического (кровного) основания в их этносознании, а качественной категории. И.А. Бунин сформулировал такое понимание: «Россия и русское слово (как проявление ее души, ее нравственного настроения) есть нечто нераздельное» (там же: 112). Россия представлялась и П.Б. Струве «живой соборной личностью» и «духовной силой» (Струве 1991: 476). И.А. Ильин называл характерными свойствами русских инстинктивность и духовность: у русских «государственный инстинкт, дух лояльности и христианское терпение», что составляет «русскую идею». Сила русского национального характера (и русского самосознания) обусловлена тем, что он исторически развивался «в суровой природе, закалялся в войнах, приобретал глубину и благородство в молитвах», а «хранилищем» русского национального характера была русская семья (Ильин 1993а: 359-363; Ильин 1993б: 423; Ильин 1999г: 366).

10

2. Этимология. О значении термина «Сибирь»

Термин «Сибирь» гораздо более древний чем, к примеру, «Русь». Его корни восходят к V веку. На татарском это слово звучит как «сэбэр», что в переводе означает «метет пурга». По версии исследователя З. Я. Бояршиновой термин «Сибирь» происходит от названия этнической группы «сипыр», хотя ее выводы многими оспариваются. Позднее это слово стало связываться с тюркоязычным народом, жившим на берегах Иртыша в районе

современного Тобольска. Интересно, что до XIII века слово «Сибирь» было в обиходе исключительно по отношению к народности и лишь позднее его стали употреблять к области проживания людей. «Сибирь» как название земель впервые упоминается у средневековых иранских хронистов, а в 1375 году в Каталонском атласе появляется область «Sebur». **Этническая версия.** Сибирские татары, тюркоязычный народ, живший на берегах Иртыша, называли себя «сабыр», «сипыр». Сибирское Ханство обладало огромным влиянием и мощью, обозначены как земли Сабыров или Сибирь. **Тюркская версия.** Согласно одному из вариантов, слово Сибирь является ничем иным как искаженным тюркским словом «сибэр» или «чибэр», которое в переводе означает «красивый». На татарском «сэбэр» означает «метет пурга». Древние татары называли земли к востоку от их владений. **Монгольская версия.** Слово «шибир» с монгольского обозначает болотистую местность, поросшую лесом, преимущественно березовым.

Исторически – в Руси-России называли СИБИРЬ – земли и народы к востоку от Уральских гор – НАВСТРЕЧЬ СОЛНЦУ до Тихого океана

3. Покорение Сибири

В какой-то мере покорение Сибири было финалом присоединения к Московии обширных территорий на востоке, что стало возможным после побед Ивана Грозного над татарами в 1550-е гг. (взятия Казани в 1552 г. и Астрахани в 1554 г.). В итоге русские получили доступ к главному богатству тогдашнего Урала – мехам («мягкой рухляди»), преимущественно соболям (а также лисам, бобрам и т. д.) – игравшим огромную роль в торговле, обмене дарами и в межгосударственных отношениях. Приведу лишь один пример: в 1594 г. царь заплатил венскому правительству 40000 соболиных шкурок за то, чтобы оно поддержало его в войне с турками. Меха имелись и в Западной Сибири, но постепенно их ресурсы там сокращались и промысловикам, и сборщикам ясака приходилось уходить все дальше и дальше на восток. Русское правительство пыталось установить над соседними народами свой протекторат, преследуя при этом не столько политические, сколько экономические цели – свою зависимость местное население выражало подношением царю мехов, нередко в большом количестве.

Существование могущественного Сибирского ханства угрожало безопасности русских владений на Урале и могло воспрепятствовать дальнейшему продвижению России в Сибирь. В 1582 г. Ермак взял Сибирь –

татарскую столицу, или, возможно, обычное кочевье на Иртыше, восточнее будущего Тобольска. Однако вскоре татарам удалось его оттуда выбить. Отступая, Ермак утонул в реке. Его поход закончился поражением и только через 18 лет, в 1598 г., воеводе основанного в 1594 г. на Иртыше города Тара Андрею Воейкову удалось разбить Кучума, Сибирское ханство перестало существовать.

Мангазея. В XVII веке на Оби возник один из самых крупных таких городов. Он просуществовал чуть более 70 лет, но вошёл в легенды, стал первым заполярным городом Сибири, символом Ямала, и в целом его история оказалась короткой, но яркой. В свирепых морозных краях, населённых воинственными племенами, выросла быстро ставшая знаменитой Мангазея. О существовании страны за Уралом русские знали задолго до экспедиции Ермака. Более того, сложилось несколько устойчивых маршрутов в Сибирь. Один из путей вёл через бассейн Северной Двины, Мезень и Печору. Другой вариант предполагал путешествие от Камы через Урал. Самый экстремальный маршрут разработали поморы. На кочах — судах, приспособленных для плавания во льдах они шли по Северному Ледовитому океану, пробираясь к Ямалу. Ямал пересекали волоком и по мелким рекам, а оттуда выходили в Обскую губу, она же Мангазейское море. «Море» тут едва ли преувеличение — это пресноводный залив шириной до 80 и длиной в 800 километров, причём от него отходит трёхсоткилометровое ответвление к востоку — Тазовская губа. Мангазейский путь был маршрутом для самых отчаянных мореходов, а кости тех, кому не повезло, навеки становились достоянием океана. Одно из озёр на ямальском переволоке носит название, которое с языка аборигенов переводится как «озеро погибших русских». Так что о регулярных безопасных путешествиях не приходилось и думать. Кроме того, отсутствовал даже намёк на какую-то базу в конце пути, где можно было отдохнуть, отремонтировать суда. Фактически, до Обской губы и обратно кочи проделывали один длинный путь. Меха в устье Оби хватало, но вот о постоянной фактории мечтать не приходилось: слишком сложно было снабжать её всем необходимым в таких условиях. Всё изменилось в конце XVI века. Русские разгромили рыхлую «империю» Кучума, и вскоре в Сибирь хлынули служилые и промышленные люди. Первые экспедиции выходили на бассейн Иртыша, первый русский город в Сибири — Тюмень, так что Обь была первой в очереди на колонизацию.

12

Реки для русских были ключевой транспортной артерией в течение всей сибирской конкисты: крупный поток — это и ориентир, и дорога, которую не надо прокладывать в непроходимых лесах, не говоря о том, что лодки повышали на порядок объём перевозимого груза. Так что в конце XVI века русские двинулись по Оби, застраивая побережье крепостями, в частности, там были заложены Берёзов и Обдорск. А оттуда по меркам Сибири оставалось шаг шагнуть и до Обской губы.

В 1600 году из Тобольска вышла экспедиция в 150 служилых людей под началом воевод Мирона Шаховского и Данилы Хрипунова. Обская губа, до которой они сплавились без особых приключений, тут же показала характер: шторм побил кочи и баржи. Скверное начало не обескуражило воевод, было решено требовать у местных самоедов доставки экспедиции к месту назначения оленями. По дороге, однако, самоеды атаковали путешественников и сильно их потрепали, и остатки отряда отступили на отобранных оленях. Тем не менее, видимо, какая-то часть пострадавшего отряда всё же дошла до Тазовской губы, и на берегу выросло укрепление — Мангазея. Вскоре рядом с острогом возвели и город. Известно имя градостроителя — это некто Давыд Жеребцов. В крепость отправился отряд в 300 служилых людей — крупное войско по меркам времени и места. Работа спорилась, и к 1603 году в Мангазее уже появились гостиный двор и церковь с попом. Мангазея превратилась в Клондайк. Золота там, правда, не было, зато вокруг простиралась огромная страна, полная соболей. Основная масса жителей разъезжалась по окрестностям, простиравшимся на многие сотни километров. Гарнизон крепости был небольшим, всего несколько десятков стрельцов. Однако в городке постоянно толклись сотни, а то и тысячи промышленных людей. Кто-то уезжал добывать зверя, кто-то возвращался и заседал в кабаках. У аборигенов всюду скупались меха, отряды казаков доходили из Мангазеи даже до Вилюя. В качестве валюты использовались металлические изделия, бисер, мелкие монеты. Морской ход резко оживился: несмотря на весь риск, доставка товаров, в которых остро нуждались на месте (от свинца до хлеба), и обратный перевоз мамонтовой кости и «мягкой рухляди» — соболей и песцов стала доступней. Мангазея получила прозвание «златокипящей». Как такового золота там не водилось, но вот золота «мягкого» — с избытком. В год из города вывозилось по 30 тысяч соболей. Кабак не являлся единственным развлечением жителей. Позднейшие раскопки обнаружили и остатки книг, и превосходно

13

сработанные, украшенные шахматные доски. Довольно многие в городе были грамотны, что не диво для торговой фактории. Археологи часто находили предметы с вырезанными на них именами владельцев. Мангазея вовсе не была просто перевалочным пунктом: в городе жили женщины и дети, обыватели заводили животных и вели хозяйство близ стен. Вообще, животноводство, конечно, учитывало местную специфику: Мангазея была типичным старорусским городом, но вот ездить по окрестностям жители предпочитали на собаках или оленях. В Тобольске тамошние воеводы без энтузиазма глядели на север, где из их рук уплывали огромные прибыли, поэтому из Тобольска принялись строчить жалобы в Москву, требуя закрыть Мангазейский морской ход. Обоснование выглядело своеобразно: предполагалось, что таким способом в Сибирь могут проникать европейцы. Угроза выглядела сомнительной. Для англичан или шведов путешествие через Ямал становилось вовсе бессмысленным: слишком далеко, рискованно и дорого. Однако тобольские воеводы добились своего: в 1619 году на Ямале появились стрелецкие заставы, разворачивавшие всех, пытавшихся преодолеть переволок. Предполагалось развернуть торговые потоки на города южной Сибири. Однако проблемы наложились одна на другую: Мангазея и так в перспективе беднела, а теперь ещё и добавлялись административные барьеры. В Мангазее начались внутренние неурядицы. В 1628 году двое воевод не поделили полномочия и устроили настоящую междоусобицу: горожане держали собственный гарнизон в осаде, причём и те, и другие имели пушки. Бардак внутри города, административные трудности, оскудение земли. К тому же, южнее быстро разрастался Туруханск, он же Новая Мангазея. Центр пушного промысла смещался, и за ним уходили люди. Мангазея начала увядать, но ещё жила по инерции от пушного бума. Даже пожар 1642 года, когда городок полностью сгорел и в огне погиб среди прочего городской архив, не добил её окончательно, как и серия кораблекрушений, из-за которых возникли перебои с хлебом. Несколько сот промысловиков зимовали в городе и в 1650-е годы, так что Мангазея оставалась значительным центром по сибирским меркам, но это уже была лишь тень бума начала столетия. Город катился к окончательному упадку медленно, но неуклонно.

14

В 1672 году вышел официальный указ царя Алексея Михайловича об упразднении города. Стрелецкий гарнизон снялся и ушёл в Туруханск. Вскоре Мангазею покинули последние люди. Одна из последних челобитных

указывает, что в некогда ломившемся от богатства городке осталось лишь 14 мужчин да некоторое количество женщин и детей. Тогда же закрылись и мангазейские церкви. Путешественник середины XIX столетия как-то обратил внимание на торчащий гроб из берега реки Таз. Река подмывала остатки города, и из-под земли виднелись обломки самых разных предметов и сооружений. Ещё в начале XX века там, где стояла Мангазея, были видны остатки крепостных сооружений, а в конце 40-х годов город-призрак начали изучать профессиональные археологи. Настоящий прорыв произошёл на рубеже 60-70 годов прошлого века. Археологическая экспедиция из Ленинграда четыре года раскапывала Златокипящую. Полярная мерзлота создавала огромные трудности, но в итоге руины кремля и 70 разнообразных построек, погребённых под слоем грунта и рощей карликовых берёз, оказались извлечены на свет. Монеты, кожаные изделия, лыжи, обломки кочей, нарт, компасы, детские игрушки, оружие, инструменты. Нашлись фигурки-обереги похожи на резного крылатого коня. Северный город приоткрывал свои тайны. Вообще, ценность Мангазеи для археологии оказалась велика: благодаря вечной мерзлоте многие находки, которые иначе рассыпались бы в прах, отлично сохранились. Нашёлся и литейный двор с домом мастера, а в нём — богатая домашняя утварь, включающая даже китайские фарфоровые чашки. Не менее интересными оказались печати. Их в городе нашли много и среди прочих — Амстердамского торгового дома. Голландцы заходили в Архангельск, может быть, кто-то добрался и за Ямал, а возможно, это просто свидетельство вывоза части мехов на экспорт в Голландию. К находкам этого рода относится также полуталер середины XVI века.

15

После разгрома царства Кучума продвижение русских в Сибирь, приостановленное в период Смуты (когда в 1605-1613 гг. крестьянские восстания и польская интервенция повергли Россию в состояние хаоса), ускорилось. По рекам и их притокам небольшие отряды казаков и вооружённых сборщиков ясака, поддерживаемые царскими чиновниками, двигались в Сибирь из Тобольска по двум направлениям. Идя на восток, они основали города на Оби (Сургут, 1594 г.; Нарым, 1598 г.; Томск, 1604 г.), Енисее (Енисейск, 1619 г., Красноярск 1628, Канск 1636), Лене (Керенск, 1630; Олекминск, 1635 г.; Якутск, 1631), идя на север — построили в устьях тех же рек Березов (1593 г., на Оби), Мангазею (1601 г., на р. Таз[20]), Туруханск (1607 г., на Енисее), Верхоянск (1639 г., на Яике). В 1648 г. на

побережье Тихого океана возник Охотск. Наконец, во второй половине XVII в. в результате многочисленных экспедиций, среди которых надо отметить экспедицию Пашкова, и военных походов Пояркова и Хабарова Забайкалье (Иркутск был основан в 1661 г.) оказалось усеяно укрепленными острогами, в том числе построенным в 1654 г. на Шилке Нерчинске.

То, что сразу бросается в глаза при изучении процесса стремительного продвижения русских по Сибири – это были небольшие отряды, уходившие из ранее построенных крепостей все дальше на восток и север, численностью в несколько десятков или сотен человек. Знаменитое войско Ермака составляло около 800 человек. В 1630 г. всего 30 русских сумели заставить якутов платить ясак мехами, на следующий год 20 человек заложили Якутск. А. Дубенскому удалось набрать вместо 500 только 303 человека. Из них 3 человека были атаманами, 6 - пятидесятниками, 24 - десятниками и 270 - рядовыми казаками. Отряд был оснащен пищалями, свинцом, порохом, оловом, сукном, зельем, хлебными запасами и другим необходимым для таких походов грузом. Конечно, малочисленность первых покорителей Сибири объясняется тяжелыми условиями их существования. Не менее важной причиной успеха русских являлся *комплексный состав их экспедиций*, в которых участвовали «служилые люди», составлявшие большинство в этих отрядах и связанные с властями (их элита, «дети боярские», прямо представляли интересы государства профессиональные солдаты – «стрельцы»), но большинство все же составляли рядовые казаки, прибывшие из Европейской России. Среди первопроходцев были и *иностраные наемники* – пленные поляки, литовцы, шведы, немцы и даже французы, всех их именовали «литвой». К середине XVII в., когда Сибирь была уже почти полностью покорена, в ней имелось 9000-10 000 служилых людей, в том числе 3000 казаков, расселенных по острогам. К концу столетия численность служилого населения не превышала 11 000 чел.

В освоении Сибири принимали участие купцы, жаждавшие получить меха, промысловики. «Если экспедицию снаряжало государство и ее численность была довольно приличной, то тогда в нее входил священник, который больше проповедовал отряду, чем выполнял миссионерские обязанности: в XVII в. правительство не поощряло христианизацию местного населения. Численность принявших православие почти равнялась числу тех, кто избегал уплаты ясака. Однако продвижение русских вглубь Сибири вызвало строительство церквей в очагах колонизации, а также возведение

ряда монастырей – одновременно религиозных центров и укрепленных пунктов. В конце XVII в. насчитывалось 36 монастырей, причем около 15 находились в Западной Сибири. Русская власть в Сибири опиралась на сеть крепостей, которые обеспечивали русским власть над окружающим населением и контроль над коммуникациями. Между острогами лежали обширные пространства, увеличивавшиеся по мере движения на восток, куда русские ходили лишь для добычи пушнины. Эти отдельные группы первопроходцев проживали в зимовьях – покрытых снегом и окруженных ледяными стенами шалашах.

4. Организация жизни русских в Сибири

Сибирь подчинялась созданному в 1637 г. Сибирскому приказу, который должен был добывать меха, следить за сибирскими чиновниками, снабжать всем необходимым войска, вершить суд и расправу, взимать ясаки, облегчать адаптацию переселявшихся в край крестьян и, наконец, устанавливать дипломатические отношения с соседними странами. Таким образом, у Приказа были очень широкие полномочия. Опираясь на служилых людей и воевод, он развернул активную работу. Неверно полагать, что Сибирь была бесхозной из-за своей удаленности и труднодоступности. Если инициатива покорения и освоения этого региона чаще всего исходила с мест, то все нити управления им находились в Москве. В архивах сохранилось свыше 30 000 разнообразных донесений, отправленных в XVII в. в Сибирский приказ. Русское правительство постепенно позволило сибирским воеводам распространить свою власть на обширные территории, организованные в разряды. Именно так Тобольск (в этих «воротах в Сибирь» находились продовольственные склады, арсенал, а также пункт проверки всех, кто переселялся на сибирские земли, однако таможня располагалась западнее, в Верхотурье; в 1621 г. Тобольск стал и религиозным центром края, ибо в нем было создано архиепископство), Томск, Якутск, Иркутск приобрели особое значение. Но Тобольск не стал столицей Сибири, как не стали центрами своих округов Томск, Якутск и Иркутск. Москва была связана с ними напрямую, через воевод, власть которых была ею ограничена. Тем не менее эти центры более или менее контролировали территорию, именовавшуюся «уездом», границы которого были аморфными и который, как и в Европейской России, делился на волости, состоявшие из местного населения или русских переселенцев.

17

Русское правительство контролировало огромную территорию Сибири с помощью немногих подъячих и небольших военных отрядов. Регион по-прежнему был объектом добычи ценнейшего богатства – мехов. Государство занималось сбором десятины с частных торговцев пушниной и взиманием ясака – свидетельства зависимого положения здешних туземцев. Именно ясак определял характер присутствия России в Сибири и отношения Русского государства с коренными народами. Ясак взимался невыделанными соболиными шкурками или равноценными им мехами (лось, куница, лиса и т. д.). Сибирь, однако, не была полностью во власти русского правительства. Сбор мехов сопровождался трудностями. Впрочем, ясак был не единственной причиной недовольства туземцев. Воеводы постоянно требовали предоставлять проводников, переводчиков, гребцов, возчиков, строителей. Это осложнялось нехваткой мужского населения и огромными расстояниями.

Волнения сибирского населения вплоть до самого конца XVII в. никогда не достигали широкого размаха. Особенности сибирских границ, демография и культурный уровень местных народов были причиной того, что в Сибири сохранялась *относительная социальная стабильность*, чего не было в Европейской России, не раз сталкивавшейся с периодами настоящего общественного хаоса.

Сибирские меха почти целиком шли на экспорт⁸. Русские же, за исключением крайне узкого слоя населения, одевались в овчинные тулупы. Наиболее крупным хранилищем мехов был царский двор. «Мягкая рухлядь», составлявшая основную статью российского экспорта, была тем элементом, который стимулировал развитие экономики страны, являясь, по меткому выражению Р. Фишера, ее «дрожжами». Пушнина компенсировала затраты на дорогой импорт, например, шелк и позволяла закупать ценные металлы. Чтобы точно определить роль сибирских мехов в российской экономике того времени, необходимо тщательно изучить деятельность известных купеческих династий и выяснить, куда они вкладывали свои капиталы.

Сибирь в плане ее заселенности как колонистами, так и туземцами, была *полупустыней*. Если правительство и было вынуждено отказаться от заселения Сибири в принудительном порядке, то только потому, что, несмотря на трудности, с начала XVII в. началась ее стихийная колонизация. Борис Нольде, упоминая о «потоке» направлявшихся в Сибирь крестьян, удивленно заметил: «Остается загадкой, как в стране, не имеющей дорог и

других средств сообщения, столь стремительно распространилась весть о том, что обширные и плодородные земли уже ждут своих хозяев». В действительности, скорость распространения новостей в стране с отсталой экономикой не является тайной за семью печатями и если крестьяне потоками шли из западных районов страны в Сибирь, то это было вызвано их тяжелым социальным положением и невозможностью прокормить себя на тех клочках земли, которые у них имелись, безотносительно, крепостными или свободными были эти люди. О самой численности населения Сибири имеются только приблизительные сведения: переписи того времени не охватывали всех категорий населения и называют лишь число дворов. По этим данным, в Сибири в 1662 г. проживало 288 000 чел., из них 70 000 русских (половина которых являлись крестьянами; вторая половина выглядела следующим образом – 13 000 солдат и отставных, 7500 ссыльных, 6000 ремесленников и купцов, 6000 чиновников, священников и т. д.). «Гулящие люди» (непостоянное население), по самой оптимистичной оценке это могло составлять 125 000-150 000 чел. «Гулящие люди» по определению являлись холостяками. Таким образом, русское население Сибири в конце XVII в. можно с достаточной долей достоверности оценить в 150 000-200 000 чел.¹⁰. Следовательно, русская колонизация Сибири на деле свелась к расселению в конце века нескольких десятков тысяч человек, большинство которых осели вблизи восточных отрогов Урала.

19

На протяжении всего XVII в. русское законодательство постоянно расширяет полномочия царских чиновников в Сибири. Однако дефицит рабочих рук в Сибири, необходимость усиления колонизации этого региона заставляли правительство закрывать глаза на проблему побегов. Крепостных крайне редко возвращали их прежним хозяевам. Являясь частью русских земель, Сибирь считалась собственностью государства, но ее территории не раздавали служилым людям, и феодальная собственность была там исключением. Высокопоставленным «служилым людям» в Сибири, труд которых было трудно целиком оплачивать деньгами и продовольствием (ибо транспорт был медленным и дорогим), выделялись во временное пользование небольшие участки земли – по 5-20 га – что почти не отличалось от размеров крестьянских хозяйств. Однако были и исключения: в Енисейске один сын боярский получил 226 га, причем 37 га из них составляла пашня; глава стрельцов к середине XVII в. имел 300 га земли. Это были средние по размерам владения, которые, однако, составили основу крупных феодальных

поместий, появившихся в XVIII в. Но это явление не получило большого размаха и в XVII в. было еще незначительным, по крайней мере для светских владений.

Ситуация с крупной монастырской собственностью была несколько иной. В конце XVIII в. в Сибири существовало 36 монастырей, а самый крупный, Тобольский, владел около 60 деревнями и более 2000 душами мужского пола. В 1698 г. каждый десятый сибирский крестьянин зависел от монастыря. Однако не все эти люди были крепостными. Церковные и светские владения обрабатывали крестьяне различного статуса: крепостные, а также батраки, исполщики, арендаторы казенных земель.

Была еще одна категория сибирских крестьян, которые обрабатывали в пользу государства десятину своей земли. Являлись ли они свободными? Тщательный анализ их образа жизни позволяет сделать вывод, что тяготы, которые они несли, сильно ограничивали им теоретическую свободу. Их связь с государством была очень сильной. Они не могли покинуть деревню без разрешения местных властей, были обязаны заниматься извозом казенных грузов. В середине XVII в. очаги русского сельского населения, окружавшие сибирские крепости, были сконцентрированы на небольших пространствах. 75 % русских колонистов (это примерно 30 000-35 000 чел.) занимали земли Западной Сибири – к западу от Тобола и его левых притоков, а также под Тобольском. Другая группа крестьян поселилась вдоль Томи, притока Оби. Третья обосновалась в верховьях Енисея, к северу от Красноярска. Наконец, поселения возникли вдоль верхней Лены до самого Якутска, и в Забайкалье – между Байкалом и Амуром. К концу XVII в. численность переселенцев по всей Сибири удвоилась, но очаги колонизации почти не увеличились. Но, кажется, Западная Сибирь заселялась несколько быстрее. Нужно еще отметить, что вблизи самых северных крепостей земледелие было развито слабо. В целом аграрная колонизация Сибири была незначительной. Но цель, которую власти ставили перед собой, вероятно, была достигнута в конце XVII в.: Сибирь стала сама себя обеспечивать хлебом.

Структура сибирского общества того времени была очень сложной и не раз приходила в кризисное состояние. Конечно, эти потрясения не могли угрожать русскому правительству, но они свидетельствуют о наличии социальных противоречий среди колонистов (в широком смысле этого слова), которые влияли и на туземное население. В сибирском «социальном микрокосме» численность каждой категории населения в том или ином

20

населенном пункте составляла сотни и десятки, а иногда единицы человек, но это тем не менее приводило к их длительному противостоянию. Так было, например, в Томске в 1637-1638, 1648-1650 гг., в Якутске в 40-50-е гг. и во всех центрах Восточной Сибири – от Красноярска до Нерчинска – в 1695-1700 гг.

Конфликты обычно возникали в среде служилых людей, которые, впрочем, составляли большинство здешнего русского населения. В этих конфликтах с одной стороны участвовали дети боярские (среди которых набирались главы разрядов, казачьи атаманы, приказчики государственных земель), а с другой – рядовые казаки. Что касается весьма немногочисленных посадских людей и крестьян всех категорий (самыми многочисленными из них были государственные), они если и участвовали в бунтах, то только в качестве вспомогательной силы. Сибирские восстания почти не выходили за пределы «приборного войска».

Волнения вспыхивали лишь в «городах», где как раз проживало большинство служилого населения. Воеводы были главным объектом жалоб и недовольства. Именно воевода должен был отвечать за бунт на вверенной ему территории и именно на его долю выпали самые суровые наказания в начале царствования Петра Великого, когда расследованием воеводских злоупотреблений в Сибири в 1696-1702 гг. занималась специальная комиссия. Царским наместникам противостояла единая масса, в которой классовые противоречия были сглажены, а весь гнев был направлен на местную администрацию. За годы длившегося без малого с 1695 по 1700 гг. восстания в Красноярске сменилось 6 воевод, которые либо вынуждены были бежать, либо оказались под арестом городских казаков, иногда поддерживаемых посадскими людьми, русскими жителями и соседними аборигенами. В 1697 г. жители близлежащих деревень силой освободили находившихся в тюрьме узников воеводы. Таким образом, единство проявлялось в организации восстаний, в существовании «Думы» всего населения и «Совета» служилых людей. Наконец, города выступали единым фронтом. Наличие множества разнообразных и рассеянных на большой территории групп населения крайне затрудняет выявление причин восстаний. Сибирские бунты мало похожи на крупные социальные движения в Европейской России.

Отличался ли образ жизни русского населения Сибири от жителей Европейской России? Для ответа на этот вопрос в первую очередь надо

заметить, что русские сибиряки все были эмигрантами. Во-вторых, среди них было много тех, кто бежал сюда от притеснений царизма. Уже с самого начала они являлись «инакомыслящими» в широком смысле этого слова. Правительство приветствовало их переселение, надеясь использовать эту категорию населения для освоения Сибири. Именно так в Сибири оказались староверы, самые необычные толки которых смогли более или менее скрытно просуществовать здесь вплоть до наших дней. Поэтому можно говорить об особом сибирском характере, особой сибирской нации. Но для рассматриваемого мною периода об этих признаках говорить рано. В то время у множества групп населения Сибири еще не мог сложиться единый тип человеческого характера.

Правда, в Сибирь шли не от лучшей жизни, но всегда с твердой верой найти её здесь. Иначе не было бы смысла пускаться в трудное и опасное путешествие. Сибирь породила большие надежды у крестьянства, но для несчастных крепостных Европейской России она была *больше мифическим, чем реальным раем*. Те немногие, которые переселились в Сибирь, вскоре обнаружили, что условия жизни на новом месте сильно напоминают те, которые были у них на родине. Местному населению русские казались богатырями, наделенными невероятной силой. Богатыри же понимали: чтобы прижиться на суровой земле, важно проявить и физическую, и нравственную силу: верность чести и долгу, терпение к жизненному укладу своих соседей, веру в свои традиции. Благодаря чему появилась на российской карте СИБИРЬ – земля неизмеримо богатая природой и людьми.

22

5. Русские в Сибири: кто вы?

Перепись 1662г., в Сибири проживало 288 000 чел., из них 70 000 русских (половина которых являлись крестьянами; половина – 13 000 солдат и отставных, 7500 ссыльных, 6000 ремесленников и купцов, 6000 чиновников, священников и т. д.) и 125 тыс. гулящих.

При освоении Сибири и Дальнего Востока русские вступали во взаимодействие с местным населением. В этих процессах очень многое зависело от численности народов и от характера их взаимного расселения. Кроме того, для сибирских русских были характерны этноконфессиональные группы. Это связано с тем, что Сибирь была местом ссылки старообрядцев и сектантов. Старообрядцы были одними из первых русских поселенцев в Сибири. Все группы сибирских русских, кроме старообрядцев, при

сравнении с европейскими русскими можно объединить в один тип с двумя подтипами: русские, не смешавшиеся с другими народами и являвшиеся потомками старожилов и метисы (главным образом в Якутии в затундренской зоне). В западносибирском старообрядческом населении можно выделить такие группы, как каменщики и «поляки». Каменщики являются потомками кержаков из Нижегородской губернии, переселившихся на Бухтарму в XVII веке и испытавших некоторое влияние соседних казахов. «Поляки», расселившиеся на Алтае, были потомками русских старообрядцев из Калужской, Тульской, Рязанской, Орловской губерний. В отличие от каменщиков, «поляки» не смешивались с соседними этносами и в течение 200 лет поддерживали исключительно эндогамию. В Забайкалье выделяются семейские — старообрядцы, выселенные с территории Белоруссии. Они имели много общего с алтайскими «поляками», так как имели общих предков. Как и «поляки», они не вступали в смешения с местными этносами^[10].

Для многих групп русских, расселившихся в Якутии, характерно сильное смешение с соседними этносами. В частности, малочисленные русские крестьяне и ямщики — ленские старожилы, поселившиеся в Якутии в конце XVIII века и женившиеся на якутянках, постепенно утратили свои обычаи и переняли культуру якутов. В XIX веке среди русских Якутии выделялись усть-оленёкские, усть-янские, верхоянские, русскоустыинцы (индигирцы), усть-елонские и колымские жители. Усть-янские и усть-оленёкские были ассимилированы якутами и эвенками. Русскоустыинцы (индигирцы) образовали обособленную группу русских, сохранивших свой язык и культуру. Также сохранилась группа русских в низовьях Колымы — походчане. На Камчатке первые немногочисленные русские переселенцы восприняли быт и хозяйство местных жителей — ительменов и в меньшей степени коряков, чуванцев. В результате сформировалась этнографическая группа камчадалов.

Перепись 1713г. в Приенисейском крае русских насчитывалось до 30-35 тысяч человек в 300 населенных пунктах. Коренное ясачное население - около 15 тысяч человек. В трех острогах-городах - 26 процентов русских, остальные оседали вокруг острогов по водно-сухопутным путям

Очаги расселения русских в Енисейской земле

Туруханско-Таймырский промысловый район: Нижне- и Верхнеимбацкие зимовья (1607 г.), Подкаменное и Буканское зимовья (1620-е гг.), Дудинское

зимовье и Дубчесская слобода (1637 г.), Ворогово (1645 г.), Беляево и Сумароковское зимовье (1640-е гг.), Гольчиха (1650-е гг.). Редкая цепочка зимовьев сложилась в 1620-1630-е годы по водно-сухопутному пути через Таймырский полуостров, который шел с Енисея на реку Дудинку (Дуду), от нее волоком в бассейн Пясины и еще по одному волоку на реки Хету и Хатангу (Дудинское, Волочанское, Авамское, Хатангское зимовья)

Енисейско-Красноярский старожильский район на основных промысловых и торговых путях. Наиболее старыми деревнями, по-видимому, были основанные под Енисейском Нижняя и Верхняя Подгородные деревни, их первые жители являлись «присыльными» людьми, то есть ссыльными и сибирскими «переведенцами». К западу от Енисейска по Нижней Кеми и на дороге к Маковскому острогу уже к середине XVII века возникло несколько деревень. К началу 1640-х годов на притоке Кеми, Бобровке, было селение, ставшее в середине века селом Большая Елань (или Сретенское). В нескольких верстах от него в 1645 году посадские люди А. Савин и К. Щетинин основали Подъеланную заимку, быстро превратившуюся в деревню. Также по Кеми появились деревни Мордовская и Черкасская.

Сибирские русские: старообрядцы

- «каменщики», потомки кержаков из Нижегородской губернии, переселившиеся в XVII веке и испытавшие влияние соседних казахов
- «поляки», расселившиеся на Алтае, потомки русских старообрядцев из Калужской, Тульской, Рязанской, Орловской губерний, - не смешивались с соседними этносами и в течение 200 лет поддерживали эндогамию;
- в Забайкалье «семейские», выселенные с территории Белоруссии, не вступали в смешения с местными этносами;
- на Енисее часовенные беспоповцы в 20 в. – дубчесские скиты.
- В результате раскола Русской православной церкви в середине XVII в. на сторонников и противников нововведений патриарха Никона в религиозной и социальной жизни России возникло старообрядчество – явление сложное, противоречивое, вызывавшее и вызывающее интерес у историков. В истории Красноярского края старообрядчество также занимает свое место. Ведь после разгрома в первой половине XVIII века западнорусских старообрядческих центров судьба немалой части

последователей старой веры теснейшим образом оказалась связана с территорией за Уральским хребтом. Появление старообрядцев или раскольников (как их официально называли до 1905 г.) в Сибири связано как с их принудительным переселением, так и добровольной миграцией целых старообрядческих общин или их отдельных представителей с целью сохранения своих религиозных взглядов и распространения своего влияния. И те, и другие процессы отражаются в соответствующих документах. Диапазон расселения старообрядцев на территории Енисейской губернии был достаточно широк. Они жили на Среднем и Нижнем Енисее, Подкаменной Тунгуске, Ангаре, Ачинском и Минусинском уездах. Отдельные группы проживали в городах. К 1886 году ряд населенных пунктов Ачинского и Минусинского округов были или полностью, или частично старообрядческими. В деревне Павловской Назаровской волости Ачинского округа из 681 жителя последователей Русской православной церкви было 16 человек. В деревне Мало-Кнышенской Идринской волости из 118 человек 117 были старообрядцами. В селе Верхнеусинском Усинского пограничного округа последователей Русской православной церкви было 62, а раскольников 497. В деревнях Куряты Сагайской волости и Быстрой Тесинской волости Минусинского округа проживали только старообрядцы. В деревнях Салбинской и Екатеринской Идринской волости соотношение между последователями Русской православной церкви и старообрядцами было, соответственно, 46 и 56, 174 и 132. Из документов видно, что в сельской местности старообрядцы занимались хлебопашеством и различными крестьянскими работами, а в городах, в частности, городе Минусинске, торговлей и ремеслами (так, из пяти старообрядцев, выбранных в Минусинскую городскую думу в 1882 г., трое занимались торговлей, один был кузнецом и еще один маслобойщиком). Активно участвовали старообрядцы и в общественной жизни - избирались на должности сельских старост, сельских писарей, волостных судей, волостных заседателей по хозяйственной части и, как уже говорилось выше, гласными городских дум. При этом не только в населенных пунктах, где они составляли большинство. В деревне Белоярской Курагинской волости Минусинского уезда, где проживало 456 православных жителей и 197 старообрядцев, в 1885 г. сельским старостой был избран раскольник Петр Степанович Веревкин, а в деревне Большеидринской Идринской волости того же уезда, где из 112 человек жителей раскольников было 8, на должность кандидата в волостные старшины был избран раскольник Андрей Егорович Овчинников.

25

Старообрядчество делится на два направления - поповское и беспоповское. Поповцы признавали таинство священства и церковную иерархию. Богослужение у них отправляли переkreщенные священники, переходившие к старообрядцам из официальной церкви. Беглопоповское направление изначально объединяло беглых священнослужителей, отвергнувших никоновские реформы и порвавших с официальной церковью. Беспоповцы отвергали священников и ряд таинств. Под влиянием социальных и религиозных противоречий у них образовался ряд толков и согласий – поморы (поморцы), федосеевцы, филипповцы, нетовцы, дырники, представители страннического толка.

Ангарцы. В семьях старожильческого населения существовали устойчивые семейные традиции, русский православный обрядовый праздничный цикл, транслируемые от поколения к поколению. Это несомненно способствовало формированию самосознания среди старожильческого населения. Церковные, светские и семейные праздники составляли неотъемлемую часть повседневности первопоселенцев. К праздничным дням были приурочены массовые гулянья и игрища, официально осуждаемые церковными и воеводскими властями, но искоренить которые было не по силам. Ненормативное, несправедливое поведение всегда осуждалось духовенством и обществом в целом, особенно когда речь шла о бражничестве, азартных играх, распущенности нравов. В распространенных в этот период и постоянно цитируемых документами формулировках, утверждающих нормативное поведение, отражалось стремление к внедрению в быт правил, считавшихся достойными с точки зрения общественной и христианской морали. Кежемский район - старожильческий. Старожильческая культура — это сплав разных культур, в том числе эвенкийской, но доминирует в ней северорусская культура. Здесь живут потомки тех, кто осваивал Сибирь в XVII веке. В XVIII веке в центральные территории края был постоянный приток населения, на Ангаре же из-за отдаленности территории этого почти не было. В Мотыгинский и Богучанский районы приток населения был более значительным, тем более в связи с открытием золотых приисков в 30-40 годы XIX века. Кежемский же район оставался в стороне. Кежма находилась далеко и от Енисейска, и от Иркутска. И больше тяготела к Илимску, недаром некоторое время Кежемская волость входила в Илимское воеводство. Географическое положение района, его отдаленность и минимальный приток новых

26

засельников способствовали тому, что здесь наиболее полно сохранилась старожильческая культура. Первыми русскими ангарцами были поморы, корни которых из Великого Новгорода, и это поморское" в сибирском далеке во многом осталось в перевозданной прелести языка, фольклора, уклада. Кежмари же достойны особого признания именно за сохранность великорусской культуры. У коренных ангарцев, еще бытует выражение — «потомственный ангарец», есть свой самобытный словарь. Например, слово «кокольды» — рукавицы с прорезью, через которую удобно скинуть рукавицу и зарядить ружье или посмотреть капкан. Технику изготовления этих рукавиц, предназначенных для охоты, ангарцы-кежмари заимствовали у эвенков. Они вяжутся одной спицей, и на Ангаре возможно еще есть бабушки, которые умеют это делать. «Пальма» — эвенкийское оружие для охоты. Ангарцы охотились с пальмой на медведя и во второй половине XX века. Если ночь заставала охотника в пути, он ночевал «на сендухе», то есть под открытым небом. Некоторые слова звучат грубовато. Например, слово «наджабить» — надломить. Старинное сибирское слово «обшатуриться» («оступиться», «чуть не упал» — «П-Л»), которое уже давно вышло из употребления, а в Приангарье еще используется. Характерно для ангарцев обращение «родной». Кроме того, у кежмарей существует традиция похоронных песен. На Ангаре хоронили не плачем, традиционным для Руси, а песнями. Откуда пошла эта традиция, сказать трудно, но она пережила и советское время. Когда в послевоенный период начался отток населения из района, например, ангарцы, переехавшие в Красноярск и прожившие здесь по тридцать-сорок лет, оставались верны своей традиции и хоронили по-ангарски, с песнями. На Ангаре женская рыбалка была в порядке вещей. В то время, пока мужчины были на охоте, женщины рыбачили, сетями, неводом. Рассказывали, как приплывали домой в лодках, до краев полных рыбой. Это, без преувеличения и хвастовства, её ангарский оазис. Со строительством Богучанской ГЭС эта земля станет Кежемской Атлантидой. Ангара, покорение и освоение которой стоило столько мужества, труда десяткам поколений русских старожил, остаётся главной печалью и заботой жителей приангарских селений. Жизнь в здешних местах никогда не была лёгкой, красивой, всегда требовала мужества, терпения, великих трудов. Но дивная природная красота высвечивала в человеке лучшие качества и дала тот особый сплав ангарского характера.

<https://youtu.be/Wzf64-U-dFM>

27

Чалдоны – коренные русские сибиряки. Слово «челдон» было впервые пояснено в 1866 году в словаре В. И. Даля — *бродяга, беглый, варнак, каторжник* с указанием на заимствование из монгольского языка. В настоящее время история происхождения слова «чалдон» («челдон») считается неясной и не связанной с заимствованием из монгольского языка^{[5][6]}. Данное слово широко использовалось как самоназвание коренных сибиряков, отличающее их от самоходов — переселенцев из западных областей Российской империи, пришедших в Сибирь в XIX—XX веках^[8]. Существует гипотеза, согласно которой обозначение чалдонов произошло от переселенцев с южных рубежей России — жителей, населявших местность между рекой Чалкой и Доном. Отсюда и обозначение — чалдоны (чалдонцы). Известно, что много переселенцев было из народности коми-зырян. В коми языке есть слова: "чаль" - палец, и слово "дон" - цена. Может быть чалдон - "цена пальца"? Есть же в русском разговоре выражение "не стоит и пальца", или "цена ему мизинец" и т.д. При торгах, возможно, не зная языка, цену товара показывали пальцем. Речь чалдонов по всей Сибири правильная в сравнении с другими региональными группами. В обиходе «красный угол» с иконами у коренных русских сибиряков часто называется «божница» как пережиток славянских времен и времен «двоеданства», когда в красном углу стояли статуэтки «божков». Уронить икону до сих пор считается дурной приметой — «божа обидится». После установления власти русского царя в Сибири чалдонов-язычников облагали двойной данью до перехода их в христианство, впрочем, как и православных христиан староверов («кержаков»). Во времена Сибирского ханства часть русских сибиряков так же платила «двойную дань»: одну русскому царю, другую — хану, поэтому вновь переселившиеся в Сибирь после Ермака русские часто называют коренных русских сибиряков «сибирские двоеданы». В настоящее время в сибирских деревнях, включая татарские поселения, стала традиционной большая сибирская «чалдонская изба», состоящая из двух объединённых в один дом частей и напоминающая «гармошку», с расположенной справа возле входа за сенями женской кухней и «божницей» в дальнем левом от входа, «красном» углу избы. Возникновение традиции постройки большой срубленной чалдонской избы связано с приходом в Сибирь Ермака и новых русских поселенцев, от которых чалдоны переняли срубы и деревянные избы. До прихода в Сибирь «самоходов» из «Расеи» чалдоны ставили в Сибири дома, чем-то напоминающие малозаметные на местности насыпные землянки и

28

блиндажи, прикопанные в землю и которые при необходимости можно было легко и быстро построить при переселении чалдонов на новое место или в местах охоты и рыбалки. В настоящее время привычку строить такие «охотничьи дома» в местах охоты и рыбалки переняли все охотники и рыбаки, включая сибирских татар, в которых принято оставлять спички, небольшие запасы еды, одежды, примитивной посуды для других охотников и рыбаков, называемое «заимкой». Это название показывает глубокое уважение русской общности к природе, человек бравший место для жизни в окружающем его мире как бы «в займы» как правило у реки. На время бесчинств гнуса и комаров сибиряки закрывают свои кровати в избе подвешенным к потолку на веревочках «пологом», защищающим людей от насекомых. Традиционно чалдонские женщины носят черные платки с красной узорной вышивкой, заплетенные косы, молодые незамужние девушки могут носить нарядные белые платки и платки светлых тонов, красные платки, появление в обществе без платка или с распущенными волосами не заплетенными в косу называется «опростоволоситься» и считается постыдным. Под божницу за большой чалдонский стол принято усаживать стариков и уважаемых авторитетных людей. Гостей и приезжих, «новых» людей садить в «красный угол» не принято, даже если приезжий обладает большой властью и является каким-то начальником, руководителем. Друзей и близких родственников принято сажать за стол рядом, собеседника или противника сажают напротив, чтобы можно было его видеть при разговоре. Детей и молодёжь усаживают напротив красного угла, возле выхода. Нередки случаи, когда приезжих начальников чалдоны усаживают напротив стариков, «в детский угол». Необычной особенностью чалдонских традиций является в настоящее время редко соблюдаемый табуированный запрет захода мужчины «на женскую половину» избы, в том числе на кухню, когда мужчине не разрешается ничего трогать на кухне, «чтобы не осквернить»: мужчина не имеет права взять на кухне даже кружку, чтобы попить воды. Что вообще говоря очень неудобно: хочешь пить — приходится ждать пока кто-то из женщин нальет и подаст тебе воды, поэтому нередко возле кухни ставят бачок с водой и ковшом, чтобы мужчина без женщины мог попить. Право приготовления пищи, лекарственных отваров, мытья посуды и приборки на кухне у сибирских чалдонов имеет только женщина, поэтому, чтобы не допустить захода мужчины на кухню женщина обязана накормить и напоить пришедшего мужчину, подать ему воды, если он хочет пить. Любой мужчина, попытавшийся зайти на кухню, тут же будет отруган женщинами.

29

В свою очередь, женщина не должна пользоваться «мужскими инструментами» и заходить на хозяйственную «мужскую половину», обычно — в сарай с инструментами: брать в руки косу, молоток. Таким образом, несмотря на «равноправие» мужчин и женщин, когда не считается предосудительным, если девочки бегают вместе с пацанами рыбачить на речку и пасти скот, а женщины ходят на охоту, в чалдонских традициях заложено распределение женских и мужских семейных обязанностей по половому признаку. У чалдонов женщина подает посуду и блюда на стол с кухни, наливает чай и приносит на стол приготовленную еду, потому что мужчинам запрещено заходить на кухню, и, хотя женщинам не запрещено садиться за стол вместе с мужчинами, однако женщины никогда не садятся за стол до того момента, когда стол готов и мужчины начали есть — у сибирских чалдонов женщины редко сидят и едят за одним столом вместе с мужчинами, обычно женщины сидят за одним столом с мужчинами только во время праздников. Несмотря на принятие чалдонами христианства из-за схожести старой языческой веры чалдонов с христианством, в которой роль «богов» заменили «святые» и ангелы, в суевериях русских сибиряков сохраняются языческие пережитки, и среди икон в красном углу на божнице вполне может случайно затесаться какой-нибудь вырезанный из кости божок одного из местных сибирских народов. Поскольку предки чалдонов различаются по времени своего заселения в Сибирь, традиции, говор и суеверия чалдонов серьёзно отличаются, сибирские традиции не повсеместны.

30

Чалдоны сами действительно часто определяют своё самоназвание именно как происходящее от «люди, выходцы из местности между Чалой (Чалкой) и Доном». Однако эта версия самоназвания относится к народному фольклору с юмористическим оттенком, и связана с игрой слов, возникшей после появления в Сибири первых ссыльных каторжников. «Человеком с Дона» в Сибири принято называть любого представителя казачьего сословия, «вольных людей»; а «людьми с реки Чалый» иносказательно называли каторжан, ссыльных и разбойников, которых так же относили к «вольным людям», то есть к людям, не склонным подчиняться власти. Таким образом, народная легенда в шуточной форме намекает на происхождение первых сибирских поселенцев от «вольных людей», казаков и разбойников, каторжников, сосланных в Сибирь за вольнолюбие, намекая на то, что предки чалдонов были «свободными» — «вольными людьми», в противовес «крепостным крестьянам» и «холопам». Так чалдоны сами себя относят к

«вольным людям», к тем, кто не обязан подчиняться власти как свободный человек и потомок «вольных людей». Нередко у чалдонов бытует пословица «чалдон шапку не ломает», что значит — чалдон перед властью не снимает шапки, не кланяется. Именно с этой чертой чалдонов связаны легенды про их глупость и лень, поскольку чалдоны традиционно не торопятся выполнять приказы власти, считая себя не обязанными кому-либо подчиняться: чалдоны медлительные добросовестные работники, но не любящие исполнять чьи-либо приказы, поскольку подчинение и холопство у чалдонов традиционно считается позорным. Существует гипотеза, что в прошлом само слово «чалдон» принадлежало к мату, нецензурной сибирской брани, непонятной несибирякам, являлось оскорбительным идиоматическим выражением, значащим на языке местных коренных жителей «пришлый», «неместный», «бродяга», но со временем смысл слова изменился до противоположного значения, обозначающего коренного сибиряка для пришлого русского населения благодаря противопоставлению среди русских сибиряков «расейских» (**самоходов**) и «чалдонов» (**самоедов**)^[31]. Мнения и мифы сибиряков в отношении чалдонов и происхождения самого слова «чалдон» так же разнятся: *«Со слов моей прабабушки Ермаковой Матрены, которая была из чалдонов, и проживала в урмане на севере Омской области, в Тарском районе, чалдонами их называли потому, что чалились (шли)они с устья реки Дон. И её предки пришли с Дона в Сибирь во второй половине шестнадцатого века спасаясь от церковных реформ, потому как были они старообрядцами. Я склонен верить ей. Вы ведь не врете своим детям, потомкам о происхождении вашего рода?»* (Смотри Кержаки). *В Новосибирской области, в Сузунском районе в сороковые годы XX века ещё были чалдонские и «россейские» сёла и со смешанным населением. В каждой чалдонской семье имелся ведёрный самовар. Каждое воскресенье его ставили и пили чай всей семьёй вёдрами. Поэтому чалдонов дразнили «сибирскими водохлёбами» или «жёлтопупыми». А почему «жёлтопупыми?» - „Потому, что чалдоны пьют чай, до тех пор, пока пуп не пожелтеет“.* *«Кровосмешение русских казаков с местным населением, конечно, было. Казачьи отряды двигались в Сибирь, наверное, без женщин (за исключением может быть атаманов). Казаки брали жён из местного населения.»* (Смотри Сибирский поход Ермака). К антропометрическим особенностям этнической группы **чалдонов** относят большую широколицость, чем у представителей этнической группы славянских народов, желтоватый оттенок кожи, монголоидную узкоглазость в детстве, в

31

старости, несмотря на характерные славянские этнические черты и отличие от монголоидных народов^[3]: «не совсем так... меня (родилась и выросла на Украине) в 1986 году водили по деревне Малышанка Гольшмановского района... „желтопуная“ это звучало не обидно — поднимая майку все радовались, что область возле пупка действительно наиболее смуглая... глаза зеленые, веки опущены... отец мамы Черепанов из „чалдонов“». В поведенческом плане чалдоны характеризуются медлительностью, добросовестностью, плохими способностями к запоминанию, упрямством, добродушием, независимостью, склонностью к неподчинению власти и приоритетом общественного, коллективного. В прошлом чалдонов в деревнях определяли по пословице: «Крыльцо блестит — чалдоны живут.», то есть по отличительным особенностям выполнения ими какой-либо работы из-за упрямства и добросовестности, характерных для представителей данной этнической группы.

Русские в Сибири: приходское духовенство

Острая нехватка священников. Во второй половине XVII в. прослеживается тенденция к превращению священнической и причетнической службы. В конце XVI - начале XVII в. своеобразным донором священнических кадров для зауральских церквей стали Вологодская и Великопермская епархия, а также Москва. Когда была создана Сибирская и Тобольская епархия (1620 г.), комплектование причта церквей Сибири было возложено на сибирского владыку. Об этом свидетельствуют царские грамоты архиепископу Киприану 1621, 1622 гг. с распоряжениями послать из Тобольска попов в Тару, Табаринскую слободу, Невьянскую волость. С первым сибирским владыкой были посланы протопоп из Москвы, протодиакон и три священника из Новгорода, а также дьякон и два московских пономаря. Однако, уже 10 сентября 1621 г. в отписке царю и патриарху архиепископ Киприан просил прислать священников. С неоднократными просьбами прислать священников в Сибирь обращался в столицу и следующий сибирский архиепископ Макарий.

В условиях острой нехватки духовенства в отдаленных сибирских городах местные власти определяли в священники ссыльных. Царь поручил осуществить прибор духовенства в Москве и его отправку в Сибирь приказу Большого дворца, а переписку вести через Казанский приказ. Через эти структуры отдавались распоряжения и архиепископам, и воеводам. Оба этих приказа были задействованы и в решении финансовых вопросов. Хуже

обстояли дела с набором белых священников, которые выбирались из посадских и волостных попов. Власти настаивали на том, чтобы духовенство отправлялось в Сибирь как можно скорее, в Сибирь посылались черные (иеромонахи) и белые священники. Первые в основном направлялись в монастыри, они исполняли необходимые требы и богослужения, могли выполнять обряд пострижения в монашество, из них назначались настоятели монастырей. Черные попы служили и в приходских храмах.

Когда в Сибирь устремился поток крестьян, гулящих людей, кадры церковнослужителей подбирались на месте. Как правило, это происходило по выбору прихожан, который оформлялся поручной записью. К концу XVII в. проблема обеспечения кадрами священно- и церковнослужителей сибирских церквей была решена. В основном подготовка к священнической службе происходила через выполнение обязанностей пономарей и дьячков. Во второй половине XVII в. прослеживается тенденция к превращению священнической и причетнической службы в наследственное занятие. Государство было крайне заинтересовано в том, чтобы как можно скорее наладить на новых отдаленных территориях традиционный православный уклад жизни, в котором Церковь, православная этика выступают основными регуляторами нравственного состояния общества.

33

Сибирские казаки

В присоединении Сибири к России в XVII в. огромную роль сыграли казаки-землепроходцы. В XVIII—XIX вв. основная тяжесть присоединения и охраны новых земель снова легла на плечи сибирских казаков. Им приходилось покорять и облагать ясаком народы северо-востока Сибири, защищать сибирскую границу от набегов кочевников. В основном из казаков состояли русские отряды, посылаемые занимать Приамурье и казахские степи. Пограничная стража. Создание укрепленных линии вдоль южно-сибирской границы от Урала до Амура и необходимость заполнить гарнизоны крепостей повлекли за собой перевод части казаков из городов в порубежные крепости и караулы.

Официально войско вело и ведёт своё начало от 6 декабря 1582 г. (19 декабря по новому стилю), когда, по летописному преданию, царь Иван IV Грозный в награду за взятие Сибирского ханства дал дружине Ермака наименование «Царская Служилая Рать», третье по старшинству казачьим войском России (после Донского и Терского). Ядро войскового сословия

Сибирского войска генетически восходит к городовому казачеству Сибири XVII в. Положение 1808 г. - отсчёт истории Сибирского линейного казачьего войска. Коренные сибирцы, являвшиеся прямыми потомками городских казаков Западной Сибири XVII в., и составили ядро войскового сословия

Служилые люди – сибирские восстания

Шатость в Томске в 1637-1638, 1648-1650 гг., в Якутске в 40-50-е гг. и во всех центрах Восточной Сибири – от Красноярска до Нерчинска – в 1695-1700 гг. в Мангазее (1631 г.), Якутске (1647, 1650, 1658, 1668 гг.), Нарыме (1648 г.).

Конфликты в среде служилых людей, с одной стороны участвовали дети боярские (среди которых набирались главы разрядов, казачьи атаманы, приказчики государственных земель), а с другой – рядовые казаки. Немногочисленные посадские люди и крестьяне, они если и участвовали в бунтах, то только в качестве вспомогательной силы.

Воеводы были главным объектом жалоб и недовольства. В начале царствования Петра Великого расследованием воеводских злоупотреблений в Сибири в 1696-1702 гг. занималась специальная комиссия.

С 1695 по 1700 гг. восстания в Красноярске сменилось 6 воевод, которые либо вынуждены были бежать, либо оказались под арестом городских казаков, иногда поддерживаемых посадскими людьми, русскими жителями и соседними аборигенами. В 1697 г. жители близлежащих деревень силой освободили находившихся в тюрьме узников воеводы.

34

Посадские -разночинцы

Жизнь горожан: военно-административной деятельность, занятиями сельским хозяйством, торговлей, промыслами; двухпоколенные братские семьи преобладали, родственники селились рядом; этническая разнородность, веротерпимость, принятие и усвоение чуждого образа жизни. Люди в Сибири в большой степени оценивались по той реальной пользе, которую они приносили обществу; активная позиция сибирячек в обществе, а также некоторая имущественная независимость, связанная с правом наследования.

Занятия горожан. Вовлечение первопоселенцев в ту или иную сферу деятельности сказывалось на развитии социальных отношений, способствовало становлению культуры жизнеобеспечения. Основными

занятиями горожан Западной Сибири являлось участие в сельскохозяйственном производстве (поскольку на первых порах своего существования город был тесно связан с земледельческой округой, и кроме того, огородничество и скотоводство были неизменными элементами хозяйства), а так же создание базы для развития местных отраслей промышленности и ремесел. Почти все социальные слои населения Сибири в XVII - начале XVIII в. были так или иначе вовлечены в торговлю, особенно ценными мехами, приносящую значительные прибыли. Служилое население успешно совмещало свои прямые обязанности, связанные с военно-административной деятельностью, с занятиями сельским хозяйством, торговлей, промыслами. Даже представители административно-управленческого аппарата (по сути - нарождающаяся бюрократия) не чурались участвовать в торгово-промышленной деятельности и сельскохозяйственном производстве.

Одежда являлась не только средством защиты от внешней среды, но и играла в глазах общества роль своеобразного "паспорта", отражавшего социальную принадлежность, состоятельность и даже семейное положение. Составные элементы костюма обнаруживали различную степень зависимости от влияния моды своего времени. Некоторые части одежды оставались длительное время неизменными, другие трансформировались. В целом же можно отметить, что одежда старожильского населения, начиная с конца XVI в. и до петровского времени, развивалась в том же направлении, что и одежда населения европейской части страны. Определенные особенности были связаны, главным образом, с местными климатическими условиями. Этим же объясняются имевшие место заимствования одежды у аборигенного населения. На особенности костюма сибиряков также влияла близость Средней Азии, откуда поступали восточные ткани и готовая одежда восточного образца. Одежду сибиряков отличали многообразие фасонов и материалов, из которых она изготавливалась. Широко использовались различного рода отделки (в частности мехами) и украшения.

Структура питания в XVII в. определялась традиционным характером сельскохозяйственного производства, имевшего зерновое направление. Развитие и распространение животноводства в Сибири способствовало утверждению в рационе сибиряков мясной и молочной пищи. Учитывая соблюдение многочисленных постов, огромное значение для полноценного питания имела рыба, обилие которой в сибирских реках давало возможность

разнообразить рацион, используя этот продукт в различной обработке. Растительная пища также занимала в рационе заметное место. В огородах горожан-первопоселенцев выращивались различные овощи, свидетельство тому - постоянный привоз семян из-за Урала. Таким образом, хотя пища сибиряков и имела свои специфические особенности (отсутствие фруктов, изощренных кушаний), в целом она незначительно отличалась от пищи жителей европейской части государства, разве что, обилием лесной дичи, ягод, большим разнообразием рыбы и меньшим набором овощных блюд. Основу питания составляли продукты хлебопашества, животноводства, рыболовства, охоты и собирательства. Привозными были лишь пряности, сладости и чай.

Недостаток местного производства восполнялся "русскими" и среднеазиатскими товарами, в числе которых были различные ткани, ковры, сундуки, зеркала, ларцы, светильники и т.п. В целом утварь сибиряков, особенно людей с достатком, соответствовала стандарту, бытующему в европейских областях России, хотя и была менее разнообразной.

Общественный быт. Распорядок жизни первопоселенцев регламентировался светлым временем суток, которое использовалось целиком. Обязательным был послеобеденный сон - обычай, восходящий по крайней мере к XVI в., а то и более раннему времени, на всей территории Русского государства. В сибирских городах после окончания "деловой поры" жизнь не замирала, сибиряки предпочитали общаться. Горожане не ограничивали свое пребывание только домом, местом службы или работы, обязательным посещением церкви, участием в общественных мероприятиях. Улицы, площади, торги, базары ежедневно являлись местом встреч местных горожан и приезжих. Основным прибежищем для обсуждения городских насущных проблем служили церковные трапезные, особенно в зимнее время. Местами накопления и распространения информации являлись торги, куда съезжались торговцы всех рангов и иной люд из самых разных уголков государства и сопредельных территорий.

Грамотность. В XVII в. в России стали заметными успехи просвещения. Несмотря на удаленность сибирского края, грамотность здесь не считалась явлением необычным среди первопоселенцев. Документальными подтверждениями этому служат собственноручные подписи жителей городов и уездов на различного рода документах. Процент

грамотности среди служилого сословия был несомненно выше, чем у иных слоев населения. Этому способствовало и внедрение в служилую среду, как правило, грамотных выходцев из Литвы, Польши и других западных регионов. К концу XVII в. возрастает спрос на "учильные книги". Сибирские города остро нуждались в образованных людях, поэтому грамотные сибиряки пользовались постоянной востребованностью и у администрации, и среди горожан.

6. Обобщение

В Сибири были особые условия, которые позволили выработать ценности и традиции сибирских русских. Многие исследователи относят к ним: гостеприимство и радушие, щедрость, веротерпимость и этническое согласие. Но главной ценностью, несомненно, было трудолюбие. Социологи помимо положительных качеств сибиряков – благожелательности, прямотушия, искренности, толерантности находят и не очень привлекательные – хитрость, скупость, легкомыслие и даже лень. Исходя из подобной диалектики исследователи делают следующие выводы: сибиряки охотно приходят друг другу на помощь, радушно принимают гостей, но проявляя при этом сдержанность и закрытость.

По целому ряду параметров Сибирь в XVII в. шла впереди европейской части государства, прежде всего это касается темпов экономического развития и предпринимательства, чему на первых порах способствовала и меньшая феодальная регламентация, и менее развитая административная система. Отсутствие в колонизируемом регионе на первых порах строгой социальной стратификации общества или, скорее, игнорирование самим обществом жестких рамок в этой сфере, особая этническая окраска не могли не сказаться на быте сибиряков, на их материальной и духовной культуре. Каждая из граней повседневной жизни переселенцев наряду с закономерностями, характерными для европейской части страны, выявляла и ряд присущих Сибири особенностей.

Сибиряки живо откликались на вести, поступающие из метрополии. Слухи достигали границ Сибири довольно быстро и еще быстрее распространялись по сибирской земле. Среди первопоселенцев кипели страсти, высказывались крамольные мысли, не затухала социальная активность.

37

Неправомерно выделять особый этнический тип сибиряка, появившийся в результате ассимилятивных процессов, но представляется вполне оправданным вести речь о специфическом для Сибири варианте этнического самосознания и культуры старожильческого населения вновь осваиваемого края. В XVII в. были заложены основы продуктивного и обоюдодоплезного обмена культурными ценностями между параллельно и взаимосвязано развивающимися этническими общностями в Сибири. К началу XVIII столетия сибирские старожилы являлись носителями нового типа сложившейся здесь субкультуры.

Этапы жизни русских в Сибири на примере Енисейской губернии и Красноярского края

1607 г. – начало освоения Приенисейской Сибири русскими военно-торговыми отрядами

Первая половина XVII в. – войны с енисейскими кыргызами русских военно-торговых отрядов

XVIII в. освоение русскими Приангарья: чалдоны, кержаки, староверы, ангарцы

Отечественная Война 1812 г.

1822 год – образование Енисейской губернии,

XIX век - золотодобыча, пароходство, железная дорога, заселение Красноярского края ссыльными, освобожденными крестьянами, работниками казенных предприятий, казаками

1906-1914 гг. - Столыпинская аграрная реформа (переселение)

1914 -1921 гг. Первая мировая война, революция, Гражданская война

1934 г. – образование Красноярского края (Таймыр, Эвенкия, Хакасия, Туруханск-Красноярск-Шушенское)

Советская власть. Великая Отечественная война. Спецпоселенцы. Индустриализация. Краслаг.

Превратим Сибирь в край высокой культуры! Комсомольские стройки.

1991 г. – перестройка, разделение территорий

2007 г. – объединение Красноярского края, Таймыра и Эвенкии. Концепция «Дружественный край»

7. Старожильческое русское население в Красноярском крае сегодня

В течение нескольких столетий Сибирь, считая себя полноправной частью России, оставалась узнаваемой в большом государстве. Бинарная природа «русских сибиряков» способствовала этому гармоничному порядку. Социокультурные трансформации последних десятилетий расшатали данное представление, обнаружив очевидное тяготение в сторону инокультурных ценностей и интересов. Сегодня очевидна проблема непривлекательности «русского сибирячества» для молодежи и в целом размытое представление жителей Сибири о территориальной идентичности. Видимо, для восстановления стабильности сибирского региона нужны не только экономические и социальные программы, но и культурные, которые могли бы на примере русских старожилов воссоздать представление о Сибири как о великом крае, который любишь всем сердцем.

В этническом сознании русских многое изменилось в советский период истории. После 1917 г. с началом нациестроительства под понятием русский понимались только бывшие великороссы. Но это последнее название исчезало из самосознания и общественной практики и заменялось на «русские». Состояние государственности повлияло на понимание этих терминов. Национальная государственность в советский период была отнесена к этнотерриториальным единицам – автономным и союзным республикам. На основе сознания этнических общностей или религиозно-племенных групп этих республик были сконструированы социалистические нации и шло становление единого советского народа с его интернационализмом и дружбой народов, ставшего гражданской нацией (Тишков 2013: 253-258, 274). Но с созданием «советского народа» русские теряли свое этносознание и превращались в «старшего брата» среди наших народов. Их сознание становилось все более размытым.

Неизбежны перемены в характере народа, особенно это заметно в наши дни. Так, присущие русским черты сострадания, милосердия, солидарности и многие другие сейчас порой не видимы. А когда-то, как писал И.А. Ильин, «велик в своем служении и в жертвенности русский народ» (Ильин 1994: 134; 1993: 423). Многогранность, стойкость, трудолюбие, присущие русским, отмечал и другой эмигрант И.Л. Солоневич: «... в характере, инстинкте, в духе русского народа есть свойства... которые... на протяжении тысячи лет проявили себя с достойной определенностью». Русский, прежде всего, это «деловой человек». Доказательством тому служит 21 млн. кв. км, которые он освоил и создал свою государственность на 1/6 части земной суши. Создать государство удалось русскому народу, «вопреки географии, вопреки

39

климату... вопреки истории», только благодаря обладанию «государственным инстинктом» (Солоневич 1994: 314, 320-321, 335, 339).

«Русский характер», ментальность народа особенно проявлялись и становились «зримыми» в экстремальных условиях. Тогда наступала мобилизация народа, и русские становились способны совершать подвиги и сопротивляться всему, что могло нарушить, уничтожить их жизненное устройство. Такое наблюдалось, как известно, не раз в русской истории, а самые яркие примеры этого – ментальность русских во время Отечественной войны 1812 г., когда народная война способствовала разгрому нашей армией Наполеона, и во время Великой Отечественной войны 1941-1945 годов, победа в которой привела к разгрому фашизма.

Русские не раз преодолевали «рознь мира в себе». Об этом свидетельствуют история казачества, православных братств, купеческих и ремесленных корпораций, дружин первопроходцев, освоивших Сибирь, Дальний Восток, Аляску, крестьянских общин и т.д. «Безоглядная модернизация жизни, безумный отход от традиций с каждым веком увеличивают число неприкаянных, выброшенных из круга жизни людей», не сумевших приспособиться к новым условиям (Бочков 2011: 156). В понятии «многонациональный российский народ» должно быть равновесие двух равноправных, взаимообусловленных начал – этничности и гражданственности. Пусть каждый, считая себя представителем своего народа, в то же время принадлежит к семье народов России и гордится ею, ибо у нас у всех общая история и ценности. В России должна оставаться многоуровневая идентичность (Миронов 2011: 6; Зорин 2011: 261). Но без разрешения «русского вопроса» нельзя создать новую общность в России. Неверно воспринимать русских как имеющих только свои интересы, традиционные устои, проблемы, и даже как некий народ, в котором идут свои социально-экономические процессы и осуществляются интересы разных этнических страт (регионально-локальные процессы и идентичности). Русские – большой народ, правда «надломленный жестоким веком». Из его природы вытекает соработничество с другими народами, которое в свое время позволило ему сплотить огромную многоэтничную страну. В этом процессе защитные механизмы русских в отношении себя иногда ослабевали, а проявлялись, когда народу грозило порабощение (Поляков 2011: 3). На деле восприятие русских другими этносами, да и порой самими русскими, становится «диверсией против русского самосознания». Русских обвиняют во всех смертных грехах, требуют от них покаяния и всевозможных

40

контрибуций, отрицают само их существование, историю, культуру и т.д. (Панин 2011: 1). Совершенно очевидно, что русским и другим нашим народам «нужно объединиться... подумать о духовном, нравственном состоянии людей», «помириться как нации» (сплотиться в единое целое) наподобие того, как наша церковь объединила две ветви русского православия. Прежде всего, должно произойти духовное примирение народов (Жуков, Чавчавадзе 2009: 4). В этом процессе становления российской идентичности велика роль русского языка, скрепляющего всех в единое национальное целое.

В отношении формирования в настоящее время российского народа, его национального самосознания высказывается глубоко продуманная и аргументированная точка зрения В.А. Тишковым, считающим, что Россия уже национальное государство, российский народ – это гражданская нация, и все население России в гражданском и историко-культурном смысле едино. Особенностью российской гражданской нации является многоэтничность, сосуществование этнического и национального в российском национальном сознании (Тишков 2013: 36, 87-89, 346). Идентичность русских может быть многоуровневой – одновременно проявляться в нескольких видах (этническое, социальное, историко-культурное, региональное, локальное, общерусское, общенациональное и т.д.). Поиски идентичности в настоящее время – это процесс долгий, трудный; и никакими декларациями и лозунгами ее не создать. Необходимо вызревание национальной идеи и определение национальной тождественности в среде самого народа. Пусть остаются разные виды самоопределений, вплоть до локального или регионального, как представлений о своей малой родине и принадлежности к ее жителям. Важно, чтобы наступило равновесие между этими видами и чувством общности (соотнесенности) со своим народом и населением всего государства. Это и позволит сформироваться и национальной идее, самосознанию и нашему новому национальному государству.

41

- Иллюстрированная история Красноярья (XVI — начало XX века) / Г.Ф. Быконя, В.И. Федорова, В.А. Безруких. — Красноярск : РАСТР, 2012. — 240 с. : ил. с вк.
- Никитин И. И.* Сибирская эпопея XVII века: начало освоения Сибири русскими людьми М., 1990
- Ципоруха М. И.* Покорение Сибири: от Ермака до Беринга. М., 2004. *Воронихин А. К.* биографии Ермака // Вопросы истории. 1946. № 10. С. 98.
- Яковлева П. Т.* Первый русско-китайский договор 1689 года. М., 1958
- Магидович И. П., Магидович В. И.* Очерки по истории географических открытий. М., 1986. Т V.

Вилков О. Н. Очерки социально-экономического развития Сибири в конце XVI – начале XVIII в. Новосибирск, 1992.

Скрынников Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск, 1986.

Кочедамов В. И. Первые русские города Сибири. М., 1978;

Резун Д. Я., Васильевский Р. С. Летопись сибирских городов. Новосибирск, 1989.

Павлов П. Н. Промысловая колонизация Сибири в XVII в. Красноярск, 1974.

Александров В. А., Покровский Н. Н. Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991\

Сибирский характер

ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ ФОРМИРОВАНИЯ СИБИРСКОГО ХАРАКТЕРА

2.1. Факторы адаптации человека в Сибири¹

Существенной особенностью российской истории на всех этапах был факт непрерывной колонизации русским населением «новозанятых земель». Первоначальное освоение славянами Восточно-Европейской равнины продолжалось до XII–XIII вв. Дальнейшая эволюция хозяйства шла в русле формирования устойчивого трехполья, развития инфраструктуры селений и путей сообщения. К XVII–XVIII вв. регионы Европейской России относились к «старопашенным», а процессы колонизации переместились в основном за Урал, в Сибирь. Колонизационные процессы на «новозанятых» сибирских землях опирались на предыдущие знания, навыки и достижения культуры. В процессе воспроизводства культуры и сознания в среде потомственного русского населения, разделенного Уральскими горами, оформляются особенности «великорусской» и «сибирской» социокультурных общностей. Каковы корни формирования особенностей материальной, духовной культуры, традиций, мировоззрения и самосознания сибиряков? Историк В.О. Ключевский в свете исследования результатов непрерывной русской колонизации высказал идею о системном «влиянии внешних условий на склад и ход русской истории», на русский национальный характер. Проблемами российской колонизации успешно занимался историк М.К. Любавский. Он писал: «Начальная колонизация Восточной Европы и начальная колонизация Сибири сливаются в одно однообразное многовековое поступательное движение русского населения на восток.

42

¹ «СИБИРСКИЙ ХАРАКТЕР КАК ЦЕННОСТЬ Коллективная монография под общей редакцией доктора педагогических наук, профессора, члена-корреспондента РАО М.И. Шиловой Том 1 КРАСНОЯРСК, электронный ресурс, скачивание 25.12.2020г. <http://os.x-pdf.ru/20pedagogika/315189-1-sibirskiy-harakter-kak-cennost-kollektivnaya-monografiya-pod-obsch.php>

...невольно переносишься мыслью в начальные времена русской колонизации в Восточной Европе в VII–IX вв.»).

Формирование «русской Сибири» во многом воспроизводило процессы первоначального земледельческого освоения центральных районов России. Однако наиболее интересным аспектом повторения «русской колонизации Восточной Европы» в сибирских условиях XVII – XVIII вв. является вторичный процесс *системной адаптации* человека к нетрадиционным факторам окружающей среды. Адаптация, по определению этнолога Э.С. Маркаряна, есть «процесс проигрывания процесса освоения окружающего пространства в целях обеспечения психологического равновесия с опасностями среды...». Историками и этнографами засвидетельствованы факты значительных изменений в хозяйственной жизни, общинном устройстве, быте, одежде, пище нового населения в процессе освоения Сибири. Происходило это в условиях непрерывного приспособления «засельщиков» новых земель на восточных окраинах ареала традиционной многонациональной культуры Европейской России.

Необычные условия хозяйствования, образа жизни под воздействием факторов среды способствовали утверждению адаптированных хозяйственных умений и навыков, социальных связей, культурных традиций. Но в процессе освоения края менялась и окружающая среда. Поэтому под понятием «адаптация» понимается также «процесс *взаимного приспособления* между культурой и средой, направленного на выживание и стабильность социальной системы». При этом традиционная адаптивная культура эволюционировала в адаптированную культуру, а этническая группа приобретала свойства таксономической единицы этноса. Адаптация подразумевает «способность системы для самосохранения приводить себя по принципу обратной связи в соответствие со средой». Динамика процессов обусловлена взаимодействием адаптентов этнической культуры и факторов осваиваемой среды, их взаимным влиянием и изменениями. Наиболее ярко данные изменения проявились в сознании, поведении, привычках и традиционных нормах взаимоотношений сибирских старожилов. Традиционная культура и сознание великорусских крестьян к XVI–XVIII вв. были полностью адаптированы к окружающей среде Европейской России. Традиционное сознание обеспечивало адекватное «психологическое равновесие» в условиях воспроизводства «старопашенной» окультуренной среды. Однако с приходом субъектов российской «*окультуренной среды*» в Сибирь прежнее равновесие было нарушено. Опасности экстремальной

43

среды не могли быть нейтрализованы привнесенными традициями. В Сибири XVII–XVIII вв. должны были быть востребованы архаичные традиции и элементы культуры, несколько столетий назад служившие условием освоения новых земель. Культурные традиции времен «русской колонизации в Восточной Европе в VII–IX вв.» сохранялись в качестве наработанных условий выживания социума. Поэтому в праздничной обрядности и повседневных верованиях продолжали воспроизводиться древние языческие традиции. В ходе беспрецедентно быстрого продвижения русских людей на восток с последующим хозяйственным освоением в XVII – первой половине XVIII вв. сибирские земли стали неотъемлемой частью Российского государства. Феномен российской колонизации сопровождался формированием постоянного земледельческого населения на осваиваемых землях. За пределами исторического ареала «кормящего ландшафта» обострялись социальные и психологические конфликты, связанные с выживанием и приспособлением к новым реалиям окружающего мира. Многие прежние этнические традиции в оценках и действиях не вполне соответствовали новым факторам, что мотивировало трансформацию элементов материальной и духовной культуры. Активное восприятие инноваций, адекватных новым потребностям, во взаимодействии с этническими культурными традициями служило выработке ответных мер по нейтрализации и преодолению негативных факторов среды.

44

С течением времени углубление процессов колонизации Сибири выражалось, прежде всего, в формировании адаптированной этносоциальной общности, у которой воспроизводились в межпоколенной преемственности устойчивая специфика материального производства, социальных отношений, духовности. Под воздействием системных факторов существенно меняется характер потомственных старожилов сибирского края.

Что собой представляли данные факторы воздействия на новых «засельщиков»? Каковы были системные связи между отдельными факторами окружающей среды? Как соотносились между собой исторические и природно-климатические, этнокультурные и социально-психологические факторы? Наибольшее влияние на хозяйственную деятельность, приспособительную изменчивость и традиционное сознание старожильского населения в комплексе внутри сибирских адаптивных факторов оказали естественно-географические, природные факторы¹. Природа, климат, расстояния существенно влияли на земледелие и животноводство, жилища, транспорт, питание, одежду крестьян-старожилов.

Они повлияли на формирование адаптированных представлений о природе и ее влиянии на людей, на их характер. На специфику адаптации русских крестьян накладывали отпечаток конкретные сочетания природных зон и областей, осадков и климата, речной сети, рельефа местности и характера почв, наличие очагов заболеваний. Одним из первых историк В.О. Ключевский обратил пристальное внимание на роль природно-климатического фактора в формировании уклада жизни и особенностей русского национального характера. Так, экстремальность климата на территории Приенисейского края проявлялась в том, что средняя температура января колебалась от – 18–22 до – 30–35 градусов, средняя температура июля – от + 20 до + 30 градусов. Перепад температур в течение года составлял от 35–38 до 65 градусов. Перепад же действительно экстремальных температур доходит до 85–95 градусов (летние температуры до +38, зимние до – 55–60 градусов).

Суровость сибирского климата дополняется продолжительной зимой, коротким летом, длительными морозами и глубоким снежным покровом в таежной зоне, а в степных районах – малоснежьем, повышенной солнечной радиацией, в северных районах – продолжительной полярной ночью.

Очевидно и отличие ландшафтов сибирского края от центрально-русских. Здесь представлены практически все природные зоны за исключением приэкваториальных: есть арктические пустыни и тундра, тайга и лесостепь, степь и горные ландшафты. К факторам экстремального характера можно отнести обширные пространства тайги и степей, глубокий снежный покров, болотистые пространства и горные равнины. Здесь порой сочетаются несколько природных зон.

Общая площадь Сибири превосходила территорию Европейской России в 2,5 раза. На хозяйственную и психологическую ситуацию в ходе адаптации русского человека влиял фактор «ужасающего и пугающего влияния на человека бесконечных просторов Сибири». В XVII–XVIII вв. к наиболее серьезным препятствиям на пути хозяйственного и культурного освоения сибирского края относилось отсутствие развитой сухопутной дорожной инфраструктуры. В течение полутора столетий русское население сибирского края активно преодолеvalo воздействие природно-климатических и ландшафтных факторов.

Важнейшим условием и показателем приспособления русских сибиряков к неблагоприятным природно-климатическим факторам, прежде всего, служит жилище, адаптированное к локальным особенностям среды. Историко-

этнографические исследования позволяют сделать вывод о том, что в эволюции одежды «под влиянием климатических условий и в процессе общения с аборигенным населением возникли локальные варианты. Сочетание разнородных черт придавало одежде русского сибирского крестьянства неповторимость и своеобразие». Суровому климату Приенисейского края адекватно соответствовали как традиционно русские, так и заимствованные элементы местной культуры: меховые бокари, унты, хамчуры, курмы и дохи.

В картине мира оценка суровых условий Сибири и ее экстремальности служила русским переселенцам для объяснения культурной «инакости» местного автохтонного населения. Историк Е.А. Ерохина пишет об этом: «Отношение русского населения к представителям коренного можно охарактеризовать как снисходительное». Проявления «странностей» и необычности в их культуре «объясняли суровыми условиями окружающей среды», которая наложила отпечаток «дикости» на образ жизни¹. Одновременно крестьяне-старожилы Приангарья в ответ на замечание о «дикости» русских жителей этого края простодушно отвечали: «Живем в лесу, молимся колесу. Чево мы знаем?». Не менее значимыми для русских людей на начальном этапе освоения Приенисейского края были внешнеполитические (точнее, геополитические) факторы. В ходе колонизации русскими данной территории политическая борьба, расстановка сил и отдельные этапы ее во многом определялись соперничеством с киргизами, Джунгарией, северо-монгольским государством, Цинским Китаем. Внешние по отношению к адаптивной культуре русского населения автохтонные (экстракультурные) факторы частично уничтожались (наиболее агрессивная часть местного «немирного населения») или переводились в разряд «своих». Одновременно происходило культурное «русифицирование» местных народов, русский «инокультурный» элемент вводился автохтонным населением в компонент сознания «своей культуры» (напомним: адаптация – процесс взаимного приспособления). Во второй половине XVIII в. о многих инородческих народах Сибири писали, что «они усвоили образ жизни чисто русский, говорят всегда по-русски, живут с крестьянами смешанно по образу своей жизни и быту...»¹. Это позволяет говорить о завершении взаимной этнокультурной адаптации русских сибиряков и «инородцев».

Психологическое сближение русского и автохтонного населения шло по линии взаимного признания нравственно-этических ценностей. Наиболее тесные и добрососедские контакты складывались с теми сибирскими

народами, которые, по мнению русских, «отличались трудолюбием», но одновременно их «ценили за взаимопомощь, уважение родителей, почитание предков». Итоги адаптации под воздействием природно-климатических и этногенетических факторов изучены достаточно слабо, однако авторы работы «Русские старожилы Сибири» сделали вывод: «Русские Сибири, несмотря на то что пришли из разных районов России и в одних случаях смешивались с местным населением, а в других нет, характеризуются некоторыми общими чертами. У сибиряков более крупные размеры лица и носа... Размах колебаний признаков в сибирских группах в полтора раза меньше, чем у русских европейской территории страны... Каждая категория русского сибирского населения имеет некоторые свойственные только ей черты».

Степень адаптивного воздействия местных народов на материальную и духовную культуру русских старожилов достаточно высока. Она зафиксирована в множественных элементах хозяйственной деятельности, одежде, пище, народной медицине, верованиях, говоре сибиряков. На начальном этапе освоения края Европейская Россия и факторы традиционной культуры выступали в качестве компонентов адаптивной культуры в «чужой» Сибири. Опыт и традиции предков, их знания и верования являлись условиями материальной и психологической адаптации. В течение жизни трех-четырех поколений сибиряков прежняя адаптивная культура видоизменилась в старожильческую адаптированную культуру. С завершением процесса оформления адаптированного социума сибирских старожилов российские адаптивные факторы перемещались в разряд внешних факторов по отношению к старожильческим «обществам».

В XVIII–XIX вв. российские политические факторы в качестве инновационных, внешних факторов воздействовали на сформировавшиеся адаптированные традиционные ценности старожильского социума. В условиях адаптации с XVII в. вырабатывались приемлемые установки поведения субъектов сибирской истории по отношению к представителям центральной и местной власти в целях защиты и сохранения своего социума. В борьбе за свои права, за более свободные, чем в Европейской России, условия жизни вырабатывались наиболее ценные черты сибирского характера. Блестящим доказательством адекватных действий в контексте использования противоречий между центральной и местной властями является история «Красноярской шатости» 1695–1698 гг. В ответ на притеснения «жители Красноярска *"отказали"* трем воеводам... и выбрали

47

свое казачье самоуправление». В выступлении принимали участие и крестьяне. При проведении расследования новый воевода П. Мусин-Пушкин установил, что «красноярцы» единой силой выступили против «ссылных воров, и которые были с воеводами» и «от воеводства отказали». По словам историка С.В. Бахрушина, красноярцы заставили Москву возложить всю вину «на воевод, которые, мстя за поданные на них челобитья, хотели тот Красноярский город.. разорить». С одной стороны, государство сыграло выдающуюся позитивную роль в освоении края, с другой – отдаленность от Центра и выраженная бесконтрольность администрации (Бахрушин С.В. Научные труды. – Т. IV. – С. 191). послужили факторами становления самосознания в оппозиции «мы – они».

К важнейшим историческим факторам формирования новых социальных отношений следует отнести отсутствие крепостного права в Сибири, личную свободу крестьян, существенный фонд свободных земель. Все попытки помещиков распространить власть на землю и крестьян за Урал оказались тщетными. Важнейшей проблемой Сибири стало преодоление факторов ссылки и каторги. Через Сибирь прошли «опальные» в ходе дворцовых переворотов. С 1760 г. по Именному Указу помещикам разрешалось ссылать в Сибирь крестьян «за воровство, пьянство, прочия непристойныя дерзостныя поступки». Сюда отправляли за вольнодумство и участие в многочисленных выступлениях против государства, за приверженность к «старой вере» и «сочинительство», за неповиновение офицерам или господам. Всем известна история высылки декабристов в Сибирь на каторжные работы с последующим поселением. Дети и внуки каторжан и ссылнопоселенцев становились сибиряками и воспринимали традиции и нравственные нормы старожилов.

История Российского государства в течение двух-трех столетий была связана с формированием политических, идеологических, социально-экономических условий вхождения Сибири, ее освоения. Деятельность государства носила в Сибири двойственный характер. Исторические противоречия Центральной России и Сибири отразились в многочисленных административно-территориальных реорганизациях. Только к началу XIX в. окончательно закрепилось признание центральной властью специфики административного положения Сибири в составе Российской империи. Границы территориального оформления сибирских губерний оформились в границах пяти земледельческих очагов периода первоначального освоения

Сибири. Одним из важнейших результатов ревизии М.М. Сперанского явилось создание Енисейской губернии.

Не менее значимую роль сыграл здесь фактор подвижнической деятельности Русской православной церкви. Она способствовала укреплению духовно-нравственных ценностей и веры. Но одновременно на сознание сибиряков оказывала влияние протестная по своему духу старообрядческая идеология. Фактором психологической адаптации стала традиционная этническая языческая культура. На вооружение были взяты древние языческие верования, сохранявшиеся в мировоззрении, обычаях, обрядах, магии. Следовательно, наложение перечисленных духовных факторов помогло сибирякам обрести психологическую защищенность и комфортность. Данный набор факторов способствовал формированию новых праздников, обычаев, обрядов и ритуалов.

О проявлениях различий в психике российского и сибирского населения к середине XVIII в. свидетельствуют записки ученого-путешественника второй четверти XVIII в. И.Г. Гмелина. Он негативно оценивал представления сибиряков о роли экономического принуждения в земледелии: «Земля благословенна, а людей *не заставляют* работать...». В то же время он явно не замечал преимуществ свободного труда и считал, что крестьяне «выгоды получают за счет плодородия здешней почвы...». Его поразил иной, чем в России, тип социальных отношений в Красноярске: «Служивые живут с воеводой ... *по-панибратски*». Сибирские крестьяне сохранили значительные личные и имущественные права, в отличие от крестьян Европейской России. Даже в условиях закрепления крестьян на государственной пашне власти не смогли обеспечить господство крепостнических отношений. В дальнейшем все более выявлялось несоответствие норм землепользования реальным владениям домохозяев. Противоречие разрешалось тем, что государство соглашалось с традициями обычного права при условии выполнения крестьянами обязанности освоения сибирского края. Показателем нового адаптированного права на землю становилось несоответствие между отводом земли государством за тягло и обычаем «захватного» потомственного владения и распоряжения угодьями.

С началом сибирской колонизации первоначально в динамике процессов освоения превалировала политическая и пушно-промысловая колонизация. На первом этапе отмечались неукорененность промышленных людей, хищническое истребление пушного зверя на «чужих» землях. В источниках фигурируют многочисленные описания голода, повсеместной

нехватки хлеба. Однако на первых порах еще отсутствовала адаптированная культура земледелия, адекватная инофакторным природным условиям. Крестьяне-переселенцы, «опираясь на привычные представления и сталкиваясь с суровой действительностью», «терпели поражение» в Сибири при воспроизведении российской технологии земледелия. Источники последней четверти XVII в. уверенно констатируют, что сибирские крестьяне «пахут не по русскому обычаю». Культура земледелия, адаптированная к сибирским условиям, формировалась постепенно на основе анализа десятков показателей качества земли, районированных климатических примет, испытания зерновых и овощных культур, пробных посевов для «опыта». Можно считать, что в процессе *взаимного приспособления* между культурой земледелия и средой произошла серьезная психологическая переоценка русских традиций земледелия в сознании сибирских крестьян. В связи с образованием пяти земледельческих районов сформировался единый культурно-хозяйственный комплекс по преодолению экстремальных факторов («окультуренные районы»).

В результате в XVIII в. не вольный переселенец, а крестьянин-старожил стал играть ведущую роль в заселении и освоении родного края, что проявилось в очевидном преобладании естественного прироста русского населения сибирского края. Важным фактором становления самосознания сибирских старожилов стал новый образ Родины. Со второй половины XVII и в течение всего XVIII в. с формированием адаптированной культуры в сознании потомственных старожилов родиной становится суровая «матушка-Сибирь». Поэтому термин «сибиряк» в этнониме нового субэтноса отражали степень принадлежности к сибирской земле и, одновременно, степень приспособления к сибирским факторам. Когда сибиряки называли прибывших из-за Урала, из «Рассеи», «российскими людьми», то оценивали их с позиций принадлежности России, а не Сибири. В сознании сибиряков было два пространства – Рассея и Сибирь. Показателем окончательного преодоления ее в сознании русских сибиряков является перемещение образа Сибири в позитивный компонент этнических констант. Генерал-губернатор Западной Сибири Князь П.Д. Горчаков писал в первой половине XIX в.: «Бесспорно, что сибиряки гордятся своей родиной, к коей *привязаны более* внутренних обывателей (то есть жителей Европейской России), что они с излишеством ценят ее изобилия и удобства». Современники не сомневались в том, что «сибиряк на всем Востоке России чувствует себя, как дома». Множественные воздействующие факторы, оказывая и в XVII–XX вв.

50

комплексное влияние на качественные характеристики сибирского населения, на хозяйственную деятельность, образ жизни, быт, привычки, общественные отношения, мировоззрение, культуру, предопределили новое самосознание. Процесс адаптации к воздействующим факторам в ходе освоения Сибири напрямую связан и сформированием определенного набора психологических и поведенческих характеристик сибирского старожильского населения. У представителей русского старожильского населения сформировались особенные черты сибирского характера.